

Вера Кудрявцева

Вера
Кудрявцева

Еще до солнышка...

Повесть

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство
1986

84Р7
К88

Рецензент В. А. Липатов

Художник В. П. Бухарев

К $\frac{4803010102-060}{М 158(03)-86}$ 72-86

Перед экзаменом

Как всегда, и в это утро Женя проснулась раньше всех в доме. Вот уже пятый год живет она в городе, а так и не отучилась от деревенской привычки просыпаться по зорьке. Когда она жила в деревне, с ее кровати из окна было видно то место, где всходило летнее солнце. Далеко-далеко, за речкой, за лесом, окаймляющим огороды, синели едва различимые среди облаков горы. Вот там, за этими горами, и просыпалось ее деревенское солнце. Зимой, правда, Женя почти никогда его не видела: слишком долго оно нежилось за снеговыми занавесями. А летом...

Только, бывало, выглянет, только выкатится на горизонт, так сразу — давай озоровать: шарить по окнам лучами, будоражить людей. Ну и Женю отыскивало сквозь оконце в их белостенном домике над речкой.

Здесь, в городе, не до озорства солнышку: трудно взбирается оно на небо, чтоб все его увидели из-за многоэтажных-то домов. Не до игры уж тут. Но Женя все равно и без его помощи просыпается рано. Особенно в такие дни, как сегодня: ведь последний наконец экзамен! Давно ли они, восьмиклассники, так боялись этих первых в жизни экзаменов. И вот они уже позади, можно сказать. Еще русский устный сегодня сдать, и... Женя даже зажмурилась от волнения, представив свое дальнейшее житье-бытье. Ведь дождалась, дотерпелась.

Она вдруг по-иному, словно уже прощаясь, окинула взглядом их небольшую уютную городскую комнату. Все здесь устроено мамиными умелыми руками. Занавески из простенькой ткани, но с вышитой каймой казались необычно нарядными; в тон к занавескам и скатерти яркая на полу дорожка, сшитая из разноцветных, со вку-

сом подобранных кусочков ткани. Дорогих вещей у них нет, но такого уюта, красоты не всегда увидишь и в богато убранной квартире. Мама... Как она будет плакать, когда узнает об окончательном и бесповоротном решении дочери. В этом месте следовало бы заплакать и Жене. Но она только сдвинула упрямо светлые брови, сжала губы так, что они побледнели. За эти несколько лет своей городской жизни Женя натренировала себя, научилась сдерживать слезы: очень страдала мама, когда видела, что дочка опять плакала.

А Женя так много пролила слез в тот первый год в городе. Выйдет, бывало, из школы и — как запнется на просторном крыльце. Все дети радостно разбегаются, торопятся в свои дома многоэтажные, во дворы с тополями, с катками, с крылатыми веревками. Жене будто идти некуда. Закроет глаза и увидит лесную тропинку вдоль речки, по которой она ходила в школу из деревни на центральную усадьбу. Даже запах осенней воды ей почудится — вот как тосковала она по родным местам.

— Женя! — тревожно окликает отец. Он в тот год каждый день встречал ее из школы, как первоклассницу.— Женя! Обидел кто?

— Нет,— очнется она, опустит голову, прошепчет сквозь слезы: — Домой хочу...

Отец нахмурится, возьмет ее крепко за руку.

— Домой мы не пойдем сегодня. Мама просила встретить тебя и в театр привести. Там все вместе и пообедаем. У нас с мамой работы много — скоро премьера. Ты побудешь с нами, а потом дружненько домой...

Теплая рука отца даже сквозь варежку греет Женину ладошку. Но она осторожненько, настойчиво выдергивает свою руку, идет рядом покорно. И уже до самого театра они молчат. Только поскрипывает по серому промерзшему асфальту протез отца.

В театре Жене всегда нравилось. Там она не пла-

кала. Некогда было. Столько интересного и разного. Ее там все любили и разрешали всюду ходить и смотреть. А потом она стала помогать. То уборщице. То в столовой посуду убирать. То парики причесывать. То платья развешивать — каждое на свое место.

— О-о! Помощница наша пришла! — так ее встречали в театре, и ей это нравилось.

Когда Женя подросла, она, конечно, поняла, что отец с мамой нарочно приводили ее в театр, чтобы она поскорее перестала тосковать да плакать о деревне.

Женя все равно тосковала. Но плакать перестала, ради мамы. Она у нее такая слабенькая, худенькая. И все думает о чем-то, думает. Даже во сне нет на ее лице покоя. Но все равно — такая красивая. «Писаная моя»,— говорит иногда отец. И мама в эти минуты будто расцветает: глаза ее сияют, лицо розовеет, морщинки куда-то прячутся, исчезают.

И руки у мамы золотые. Костюмы она в театре шьет. У отца тоже руки мастера. Сапожником он работает в том же театре. Сейчас, перед гастролями, дел у них, у всех работников театра, вдвое прибавилось. Декорации, костюмы, обувь — все приготовить надо, упаковать. А тут еще, отец рассказывал, один актер прямо со спектакля домой убежал в сапожках, в которых только на сцене ходить можно. Попал под ливень, сапожки на нем раскисли. Домой он босиком явился. Пришлось отцу срочно новые шить. И смех и грех! Женя знает того актера: он такой, «потема», как у них в деревне говорят. А отец ночь работал. И мама, конечно, около него. Вот и спят теперь беспокойно, тревожно — утомились. Особенно мама. Губы поблекли, лицо в тонких морщинках. «Кормлю, кормлю тебя морковью, а ты все как хворая»,— вздыхает Женя и идет на кухню.

Вот уже больше года каждое утро ее начинается с этого: она трет родителям морковь. «Ведь с утра до вече-

ра в духоте работают, без воздуха. Пускай витаминами питаются»,— думает Женя, и руки ее привычно и ловко ухватывают очередную морковину. До самого кончика изотрет, схрумкает остаточек — и за следующую. Сегодня, в день экзамена, Женя особенно торопится. Надо еще одно дело успеть спроворить. «Взялся за гуж — не говори, что не дюж!»

Брякнуло в ее руках дужкой ведро.

— Жень! — окликнула мама.— Сколько?

— Рано еще! Спи! — приказала Женя.

— А ты куда?

— Надо. Спи. Я разбужу.

Подъезды в соседнем доме Женя мыла часто. Вместо соседки тети Клавы. Семья у них большая, мал мала меньше. Старшенькие в детсад бегают, а двое еще на руках. Вот и взялась тетя Клава подъезды мыть: все-таки и за детьми есть время присмотреть, и заработок. Но и тут не всегда успевает. Женя вызвалась помогать. Один-то раз в неделю ей нисколько не трудно. А вставать она рано умеет.

Воду Женя брала в одной и той же квартире. Здесь жили дедушка с бабушкой и тоже любили рано вставать. Бабушка неутомимо трясла-перетряхивала домотканые дорожки. А дедушка рыхлил на клумбах землю, поливал цветы и, чутко прислушиваясь к дому, вскрикивал время от времени:

— О! В двадцатой дверь скрипнула — проснулись! В шашнадцатой опять крик — выспались!

Завидя издалека Женю, он всякий раз приветствует ее радостно:

— Че-ло-век идет! Трудящий че-ло-век!

И, выхватив из ее рук ведерко, торопится в квартиру, сам наливает ей теплой воды.

— А пила ли ты чай, девонька? — спрашивает ласково бабушка и приглашает: — Опнись-ка, попей с нами!

И часто Жене приходилось «опнуться», чтобы выпить чашку чая, так приветливо ее здесь, сердечно встречали.

А далеко не все были такими в этом доме. И поругивали: «...ты бы еще в полночь заявилась ведром-то громыхать!» И молча презирали. А большинство — жалели.

И Женя старалась успеть управиться до того, как проснутся жильцы дома.

«Что меня жалеть? — прополаскивая в ведре тряпку и энергично отжимая ее, думала Женя.— Что в этом трудного да плохого?»

Июньский ветерок залетывал в окно. Внизу, как в обрыве, нежилась молодая зелень.

Раз-раз! — и пролет готов! Еще раз-раз — и этажом ниже. Работать Женя умеет. А главное — любит. И панели протереть успеет. И двери, зашарпанные ребячьими пятками. И коврики разные у дверей, куски дорожек старых — все прополощет, прохлопает на улице. Тетя Клава сколько твердит ей: мол, это необязательно, пускай каждая хозяйка сама следит за своими ковриками. Но делать — так уж делать хорошо. Закон такой у Жени.

— Ох, свежесть, чистота! — вышел наконец первый жилец из пятого подъезда.— Молодец, девушка! — И подмигнул ей озорно, по-весеннему.

Женя смутилась, взглянула на себя в стекло фрамуги. Из полумрака этого «зеркала» смотрела на нее рослая, разгоряченная работой — и правда — девушка.

Предчувствием чего-то нового, уже близкого-близкого забилось сердце. «Девушка»! Значит, выросла! Значит, все правильно: пора на свою дорогу.

В квартире же у дедушки с бабушкой она наскоро поплескалась под душем — в их старой деревянной двухэтажке этакой благодати не было. И — на экзамен! На последний в этом классе экзамен.

— Ни пуха ни пера! — дружно проводили ее старики.— Скажи «к черту!» — потребовали.

— К черту! — весело откликнулась Женя и скрылась за углом дома.

— Ишь, выправилась девчушка! А то все заморышем выглядывала, как и ее мамаша: жердочка жердочкой, господи прости,— вздохнула вслед Жене старушка.

Мать с отцом еще спали, когда Женя вернулась со своей работы.

Да, много у Жени проблем. Зато ни у кого нет вот такой формы: платье — по фигурке, фартук — как на картинке, весь в оборочках да кружевах.

«Девушка...» Она приблизилась к самому зеркалу и не узнавала своих обычно строгих, «нахмуренных», как говорил Серега, глаз.

— Женя,— подняла голову от подушки мать, и Жене опять стало ее жалко. С тех пор как они уехали из деревни, мама всегда разговаривает с ней так, будто в чем-то виновата.

— Позавтракай! — уговаривала она.— Неизвестно, когда вызовут. Я тебе омлет...

— Спасибо, мам! — откликнулась Женя.— Я иду в первой пятерке! Я моркови наелась! Меня Евгения Петровна с Серегой ждут!

— Опять! — вспыхнула нервно мать.— Кто они тебе? Кто ты им? Жить без них не можешь!

— Мама,— остановила ее Женя.— Евгения Петровна очень просила. Специально торт...

— А руки-то! — ахнула мама.— Ты что, опять подъезды мыла?

— Аха! — засмеялась Женя.— Все пять! До блеска!

— Ну зачем ты... в день экзамена... И моркови натерла... Я бы и сама...

«Сама... Омлетом бы закусили — и на работу. Будто я не знаю»,— подумала Женя, глядя, как бестолково суетится мать. А вслух бодро сказала:

— Тебе же надо беречь руки! От моркови они портятся. Шелка там разные, трикотины порвешь, а у тебя — гастроли. Вот руки — так руки! Крестьянские!

И словно сама удивилась, рассматривая свои распаренные работой руки: какие они у нее сильные, крупные, с бугорками твердых мозолей на ладонях.

Сражение с причастиями

Серега и его бабушка Евгения Петровна жили от Жени через квартал, и она ходила к ним дворами, где у нее было много друзей: красавец-дворняга Гейка; кем-то давно брошенная, с вечно заплаканными глазами болонка Катька; лучший Катькин друг огромный рыжий кот Яшка.

Катька дружила по-настоящему только с ним: не дралась, а даже иногда облизывала круглощекую его морду. Яшка же в такие минуты игриво отмахивался от нее сильной лапой, будто говорил: отстань, Катька, люди смотрят...

Как ни торопилась и ни волновалась в это утро Женя, но о своих друзьях не забыла.

— Яшка! Катька! Гейка! Ну, кто там еще — быстро! — скомандовала она и потрясла перед улыбающимися мордашками уличных жителей кульком с лакомствами.

Те мигом окружили ее, запрыгали от радости.

— Гейка, место! Катька Мурзилка, не терзай Яшку! Стройся!

Жили в квартире
Сорок четыре
Сорок четыре веселых чижа,—

начала она считалку, так знакомую самодеятельным этим циркачам,—

Чиж — судомойка,
Чиж — поломойка,
Чиж — огородник,
Чиж — водовоз!..

Первое угощение — кусочек колбаски — досталось коту Яшке. Он проглотил колбасу и покорно отошел в сторону, потряхивая от удовольствия круглой головой.

...чиж за кухарку,— продолжала Женя считалку,—

чиж за хозяйку,
чиж на посылках,
чиж — трубочист!

На этот раз взвизгнула от восторга Катька и, на лету схватив косточку, покатилась пушистым клубочком подальше от друзей-соперников.

Печку топили,
Кашу варили
Сорок четыре веселых чижа...

Когда розданы были все лакомства, Женя приказала мальчишке, постоянному зрителю ее представлений-считалок:

— Будешь каждое утро так делать, вместо меня, понял?

Мальчишка кивнул согласно.

— Повторяй за мной: «Жили в квартире сорок четыре сорок четыре веселых чижа...»

— Да я знаю! Я знаю! Мы в садике это уже проходили!

Ездили к тетке,
К тетке-чечетке,
Сорок четыре веселых чижа! — заорал он на всю улицу.

Чиж на трамвае!
Чиж на моторе!
Чиж на телеге!
Чиж на возу!

Прыгал то на одной ножке, то на другой в свой садик и кричал:

Чиж в таратайке!
Чиж на оглобле!..

Женя шла за ним следом, улыбалась. Вдруг мальчишку словно осенило, и он, приостановившись, спросил:

— А тебя, что ли, в армию забирают?

— Девушек,— с удовольствием произнесла Женя это слово,— в армию не забирают. В армию вообще никого не забирают, а призывают, понял?

— А моего брата Ваньку забрали в армию, вот! — И мальчишка поскакал дальше. И пока Женя шла уже другим двором, все слышала его звонкий голос:

Лежа в постели,
Долго свистели
Сорок четыре веселых чижа...

— Женя! Ну где же ты? — встретила ее с укором Евгения Петровна.

— Между прочим, Евгения Петровна,— сказал ей, приподняв голову от книги, Серега,— я лично уж все жданки съел и хотел налечь вон на то произведение нашей Жени.

Его одноклассница и бабушка были тезками и по имени, и по отчеству, и когда Серега дурачился, он их нарочно перепутывал: Женю называл Евгения Петровна, а бабушку — Женя.

В чисто прибранной квартире так вкусно пахло печеным. На столе красовался домашний торт.

— Уж и скажешь — произведение! — засуетилась бабушка у стола.— Пекла торт «Чайная роза», а получился — торт «Брюнет», коржи подгорели...

— «Чайную розу» — брюнету,— сообразил Серега и потянулся с лопаточкой к торту.— Вот это нечто желтое и бесформенное и есть роза? А? — И он шлепнул самый вкусный кусок в тарелку Жене.

— Нет,— отодвинула Женя тарелку.— Брюнету так брюнету, мне вот тот кусочек, с зелеными листочками.

И вдруг смутилась, спрятала свои крупные руки, так неуместные за этим столом, рядом с тонкими тарелочками да витыми ложечками.

Евгения Петровна, будто не заметив этого жеста, убрала из-под носа внука книгу — «нужна тебе сегодня фантастика!».

— Ну, братва, налегай! А я сейчас! — И она шмыгнула за ширму.

«Ба-буш-ка коз-ли-ка о-чень лю-би-ла»,— выговаривало внизу неуверенно пианино.

— Вот именно: козлика любила, а внука притесняла,— сказал Серега и потянулся за книгой.

— «Галерея?» — остановила его Женя.

— Два «эль»,— не задумываясь, откликнулся он.

— В смысле «аллея» — ты хотел сказать.

— Все-все! Вспомнил! Житья от вас нет! — завопил Серега.

Он умудрялся одновременно есть торт, запивая его горячим чаем, отвечать на вопросы Жени, читать книгу и пританцовывать под музыку, доносящуюся из нижней квартиры.

— Сережа! Последний экзамен! — сказала бабушка, торжественно появляясь из-за ширмы.— А ты такой несерьезный мальчик!

— Весь в бабулю! — в тон ей откликнулся внук, уплетая третий кусок.

Бабушка придирчиво осмотрела себя в зеркало, поправила кружевной воротничок, кружевные манжеты, кружевной платочек, украшающий карман жакета:

— Ну, братва, я готова!

— Переходные глаголы? — давясь тортом, спросил ее Серега.

Бабушка наморщила лоб.

— Думай, Женечка, думай! — подбадривал внук.

— Колоть, решать, делать, писать! — отчеканила бабушка.

— Спасибо, бабуля,— чмокнул он ее в щеку.— Какая ты у нас способная! — И вдруг — хвать карманы бабушкиного жакета.

— Евгения Петровна! — завопил он на всю квартиру, торжествуя.— Евгения Петровна, ты посмотри, что я опять нашел у нашей бабулечки, у нашей Женечки! — И он достал из каждого бабушкиного кармана по пачке шпаргалок.— Все, бабулечка, все, дорогая Женечка, в школу не пойдешь, мороженого не получишь!

— Да-а,— вздохнула и Женя.— Придется, Евгения Петровна, вас сегодня наказать...

— Сереженька! Женечка! — взмолилась бабушка.— В последний раз! Честное пенсионерское! Люсенька просила, и Ниночка...

— Люсенька... Ниночка... Какая ты у нас, Женька, беспринципная! — поморщился внук, сдвинув над смеющимися глазами брови, и затолкал за ремень недочитанную книгу.

Они шли по утреннему городу, и бабушка то и дело спрашивала:

— «Не» с глаголами?

— Ну, кто этого не знает? — откликался Серега.

— Сочинительные союзы? — не унималась бабушка.

— И «да»? — спросил Женю, изображая чопорного кавалера, Серега.

— Да... но...— в тон ему ответила жеманно и многозначительно Женя.

— Тоже... тоже...— вздохнул Серега.

— Также... также,— согласилась Женя.

— Оттого что, потому что! Но зачем и для чего? — развела театрально руками бабушка.

— Э-э! — погрозил ей Серега.— Это уже из другой оперы! Это же — союзы подчинительные!

На них оглядывались недоуменно, а они вот так шли, дурачились, будто все трое — ровесники. Жене — так это уж точно — ни с кем в этом огромном, но так и не ставшем для нее родным городе не было так легко и интересно, как с Евгенией Петровной и ее неугомонным на выдумки внуком.

— Всё! — остановился Серега.— Всё, бабуля! Дальше мы одни. Ты — потом.

— Сережа, Женечка, как же так?

— Ну, бабулька, ну оглянись: кого из восьмиклассников ведут на экзамен за ручку? Ни-кого!

— Как напишешь это местоимение? — спросила бабушка.

— Никак — ведь экзамен устный!

— Сережа,— остановила внука бабушка.— Назови причастный оборот, и я отстану. За Женю я спокойна, а вот за тебя... Женя, пускай он вспомнит хоть один причастный оборотик!

Серега подумал и сказал:

— А почему это, бабуля, когда человек захочет спать, он зевает. А почему бы ему, к примеру, не шевелить ушами, а? Вот так!

И он пошевелил ушами.

— Ребенок! — снисходительно вздохнула Женя.— Иди уж! Мы и без тебя...

Серега, обрадовавшись свободе, метнулся к группе мальчишек, а Женя с Евгенией Петровной пошли в школу.

Не успели они подняться на свой этаж, как Жене пришлось отойти в сторонку, потому что бабушку окружили и мальчишки, и девчонки и наперебой спрашивали:

— Мне бы про деепричастие, Евгения Петровна! Забыл, и баста! «Деепричастие — это такая часть речи...» А дальше, хоть убей!

— Не часть,— строго поправила бабушка.— Не часть, Саша, а форма глагола. «Дее» — значит «делать».

— Евгения Петровна! «Видеть, ненавидеть», а еще? — требовала Люська.

— «Терпеть, вертеть»,— подсказала бабушка.

— «Гнать, держать, слышать, дышать»,— закончили уже хором все, кто окружал Евгению Петровну.

— А дальше? — округлила глаза Нина.

— Все! — бойко успокоила ее бабушка.— Семь глаголов на — «еть» и четыре — на «ать»!

— Да помню, помню я эти глаголы! А зачем их надо помнить — забыла.

Бабушка достала из кармана пачку шпаргалок.

— Бабуль, завуч! — зашептали девчонки.

В конце коридора показалась строгая учительница.

— А-а, Евгения Петровна! Здравствуйте! Поболеть за внука пришли?

— За внуков, за внуков, Марья Андреевна. Вон их у меня сколько!

— Ну-ну,— пошла дальше Марья Андреевна, а бабушка с девочками скорей в шпаргалки — искать ответы.

«Смешные,— стоя поодаль, у окна, думала Женя.— Могли бы у меня спросить. Играют. Какие они все — дети. И Нинка, и Люська, и Серега. Да и Евгения Петровна тоже. А я?.. «Девушка»,— вспомнила, как назвал ее сегодня утром мужчина.— Да и была ли я когда-

2 Заказ 511

нибудь маленькой, вот такой беспечной, порхающей. Была. Когда жила в деревне. С папой... Стоп! Дальше нельзя — впереди экзамен...»

«Что?» — тут же спросил ее глазами Серега: и издалека видит все, что бы и не надо ему видеть.

— Же-ень! — окликнул он ее, ободряя.— Только для тебя! — И пошевелил пылающими от волнения ушами.

Она засмеялась: он ведь хочет, чтобы она засмеялась, вот и — пожалуйста!

— Начнем, ребята, пора! — Распахнулась дверь, и их классная руководительница и учительница русского языка и литературы Елена Германовна беспокойно оглядела своих питомцев.

И словно дождавшись ее «пора!», прозвенел звонок, и в конце коридора показалась комиссия: директор Василий Павлович и пожилая учительница литературы в старших классах Зинаида Петровна.

— Здравствуйте, друзья! — приветливо наклонила она седую голову.

— Привет, огольцы! — сказал директор.— Ну, смело в бой!

— В последний и решительный! — не упустил момента — подхватил Серега и оглянулся на бабушку, которая сперва погрозила ему строго, а потом ободряюще помахала всем, кто двинулся к двери класса. Так, наверное, волнуются парашютисты перед тем, как вышагнуть из кабины самолета в небо: страшновато, но надо, надо.

Женя прочитала билет: все ей было ясно и понятно. Елена Германовна залюбовалась спокойной уверенностью любимой своей ученицы, спросила:

— Может, кто-то хочет ответить без подготовки?

Она, конечно, имела в виду ее, Женю.

— Я! — выкрикнул Серега.— Я, Елена Германовна, можно?

Елена Германовна и Женя переглянулись, усмехнулись: вот, мол, ребенок.

— Пожалуйста, Сережа, иди отвечай,— сказала Елена Германовна, делая вид, что не замечает, как он, выходя к столу, подсунул под локоток вконец обомлевшей Нины шпаргалку. Успел-таки! Ох, Сережа, Сережа, бабушкин внук. Перед тем как начать отвечать, Серега победно взглянул на Женю: мол, видела? А то — ребенок, ребенок... Она же в ответ повертела пальцем у виска.

О великом русском языке он отвечал довольно бойко. И Тургенева вспомнил, и Ломоносова. И даже умудрился стихи любимого бабушкиного поэта Надсона прочитать. Так что Елена Германовна скоро успокоилась. Глаза пожилой учительницы Зинаиды Петровны потеплели, когда Серега дошел до Надсона, а директор Василий Павлович понял, что можно заняться своими неотложными делами и написал в блокноте: «Ремонт. Краски для полов — 200 кг, или 70 банок, округлим: 100 банок. Белила для окон...»

В это время Серега бойко объявил:

— Суффиксы действительных и страдательных причастий!

Василий Павлович приостановил свои подсчеты, а Елена Германовна и Женя опять переглянулись, будто сказали: «Ужас! Такой вопрос — и без подготовки...»

— Ну что же ты? — подбодрил замолчавшего Серегу директор.— Давай выкладывай про эти самые суффиксы!

— -Ущ-, -ющ-, -ащ-, -ящ-,— вспомнил Серега и опять замолчал.

— А вы вспомните какой-нибудь глагол и образуйте от него все возможные формы,— посоветовала Зинаида Петровна.

Серега поискал глагол глазами на потолке и радостно сказал:

— Глагол «мерцать»!

Ох и любил он блеснуть, похвастать: вот, мол, вам! Не какой-нибудь там — «делать», «читать». «Мерцать»!

Женя невозмутимо усмехнулась, а Елена Германовна испуганно округлила глаза.

— Мерцающая звезда — причастие действительное, настоящего времени — сейчас, значит, мерцает,— строчил Серега.— Звезда мерцавшая — тоже причастие действительное, но прошедшего времени, суффикс — «вш»...

Кивала седой головой довольная ответом ученика Зинаида Петровна.

«Ремонт парт,— писал в блокноте Василий Павлович,— силами учащихся и родителей...»

— Образуем теперь от этого глагола страдательные причастия! — сообщил Серега.

— Образуем! — согласился директор и записал: «Образовать бригаду учащихся...»

Елена Германовна насторожилась, забеспокоилась, готовая в любую минуту прийти на помощь.

— Звезда мерцаемая! — с упоением продолжал трудиться Серега.

Елена Германовна взглянула на членов комиссии: Зинаида Петровна, прикрыв глаза, кивала в такт словам ученика, будто завороженная им; директор писал что-то сосредоточенно. «Кажется, пронесло»,— улыбнулась учительница Жене, которая едва удерживалась от смеха.

— Звезда, звезда,— вдруг что-то приостановило Серегу в этом творческом процессе.— Звезда... звезда,— никак не мог сдвинуться он с места.

— Мерцатая! — подвел Василий Павлович итог жирной чертой в своем реестре и неожиданно для всех весело засмеялся.

— А-а! — охотно подхватил его смех и Серега.— Я совсем забыл: причастия же не от всех глаголов можно образовать!

— Какие причастия? — строго спросила Елена Германовна. — И от каких таких не всех глаголов?

Наступила пауза. Серега выдохся.

— От непереходных! От непереходных! — не вынесла позора внука бабушка, зашептала, приоткрыв дверь.

— Вот именно, Евгения Петровна, от непереходных,— рассердилась было Елена Германовна,— нельзя образовать страдательные причастия.

— А почему нельзя? — спас положение Василий Павлович.— Очень даже прекрасно получается: звезда мерцатая!

— Идите, голубчик! — пожалела Серегу, так героически сразившегося с причастиями, пожилая учительница Зинаида Петровна.— Идите, отдыхайте.

Он выходил, а Женя шла к столу. Когда поравнялись, она, не глядя на него, прошептала:

— «Человек, который сделал Балтийское море»!

— Блондинке — розу, и ни пуха ни пера! — отпарировал Серега: его ничем не пронять!

Женя, конечно, ответила на пять. Ее хвалили, на нее смотрели восхищенно.

— Такой глубокий, такой взрослый анализ! — это Зинаида Петровна.

— Надо будет в девятом классе выдвинуть тебя в комсорги школы,— размышлял директор.

— Самая способная девочка! — не без гордости сказала Елена Германовна.

Женя слушала и думала: «Дорогой Василий Павлович, не будет меня в вашей школе на будущий год. Так что придется кого-то другого выбирать комсоргом... Милая Елена Германовна, вы ошибаетесь: я нисколько не способнее других. Просто никто в классе, я знаю, ни один мальчик, ни одна девочка не встают так рано, как я. С солнышком, и даже раньше. Мне необходимо было

научиться рано вставать, и я научилась. А по утрам так много можно успеть! И усваивается все быстрее и легче. А вот есть на свете мальчик со смешным именем Антип. Вот он действительно способный, Наш ровесник, а экзамены сейчас сдает за десятый класс... что бы вы на это сказали? Только вы не ошиблись, Зинаида Петровна. Взрослый анализ — вы сказали. Я и правда — взрослая. Как жалко, что мне не придется у вас поучиться,— какие хорошие, дивные у вас глаза...»

Но ничего этого Женя не сказала вслух. Вежливо выслушала похвалы, «спасибо» сказала, попрощалась и вышла. И никто не догадывался, что она навсегда выходит из этого класса, из этой школы. Правда, будет еще выпускной вечер, но это уже — не учеба...

Евгения Петровна с Серегой ждали ее во дворе, чтобы, как обычно, пойти в кафе-мороженое. Такой у них был обычай-уговор: как экзамен сдадут, так — в кафе. Кто на сколько сдал, по столько порций мороженого съедает. Евгении Петровне полагалось то же, что и внуку: для стимула в его подготовке, для острастки. Причем это была премия имени бабули Евгении Петровны. Отказаться никак невозможно.

На этот раз перед Серегой и бабушкой стояло по четыре порции, перед Женей — пять.

— Эх, жаль, что запутался я с этой «звездой»,— вздохнул Серега, опустошив четвертую вазочку, последнюю.— Привык уже по пять порций — не насыщаюсь...

— Ведь еще просила тебя: послушай про переходные и непереходные глаголы. Нет! Носом в это «Балтийское море»! — расправляясь тоже с четвертой порцией мороженого, выговаривала внуку бабушка.— Сам не ешь и другим не даешь!

— Сережа, Евгения Петровна,— попыталась Женя поделить на всех свою пятую порцию.

— Ни за что! — возмутилась бабушка.— То есть: ка-те-го-ри-чес-ки!

— Но у меня в горле что-то першит,..

— Выручим! — бесцеремонно потянулся Серега за этой пятой порцией.— Не дадим заболеть ближнему! — И он заработал ложкой.

— И тебе не совестно? — опомнилась бабушка.

— Ммм... еще как совестно! Ммм... казнюсь! Ммм... места от стыда не нахожу! — А сам глотал ложку за ложкой.— Все! Торжественно клянусь! — Отставил он пустую вазочку.— В десятом классе от Женьки, то бишь — от Евгении Петровны, ни на балл! Ни на полбалла! Обещаю, бабуля! Ох, и поедим мороженого! Долго ли ждать-то? Всего две зимы да два лета!

Женя молчала. Как она скажет им, Евгении Петровне и Сереге, о своем решении? Может, лучше написать потом? Они поймут.

Нет, с ними она так не может поступить. Нет.

— Ну, раз-два-три — встали! — скомандовала бабушка и надела белую панаму: у нее от солнца подскакивало давление.

Звезда моя мерцатая...

А через день после экзаменов в школе готовились к выпускному вечеру для восьмиклассников. Особенно радовались предстоящему празднику девчонки. Мыли в зале полы да окна, шептались, хвастали, у кого какое платье.

Женя, работая за десятерых, по обыкновению, молчала.

— Ну, куда нам до тебя! — вздыхали подруги.— Уж у тебя-то и платье, и туфельки — всегда на особинку!

Запомнили. Один раз только и надевала она те босоножки.

Да, действительно, как игрушечки: белые переплеты

на деревянной резной платформе. Отец подарил в прошлом году. Сам смастерил. Если бы в них еще ходить было можно. Ноги как в колодках. Зато красиво, модно. Придется опять их надевать, других нет. И платья нового нет. Не до него сейчас маме...

Но Женя ошиблась: платье мама все-таки ей сшила.

— Вот, примерь-ка, Женя! — тряхнула она перед дочкой нежно-розовым чудом, как только та перешагнула порог.

— Ну зачем ты, мама, ведь и так у тебя столько дел...

— Не нравится? — сразу обиделась мама.

— Нравится. Только я сперва поем.

— Ну, тогда я поглажу его пока,— сказала мама.

И через минуту вдруг вскрикнула так, что Женя пулей вылетела из кухни.

— Ой-ей-ей! Что я наделала! Что я натворила! — зарыдала мама, причитывая, обхватив голову руками.— Вот до чего дожила! Ничего не соображаю! Синтетику — горячим утюгом! Ой-ей-ей!

Женя знает, что надо делать в таких случаях. Она влила целую ложку валерьянки в стакан горячей воды, приказала:

— Мама, выпей и успокойся. Ничего не случилось, слышишь? Ничего!

В театре все вот такие. Жене случалось наблюдать: то радуются без удержу чему-нибудь, то из-за пустяка огорчаются так, будто большая беда пришла. И тогда тетя Паня, всю жизнь проработавшая в буфете театра, отпаивает их валерьянкой, разведенной в горячей воде, приговаривая: «Ох, страдальцы вы мои, страдальцы...»

Мама выпила лекарство и опять к платью. На нем во всю длину юбки желтела, дымясь, сожженная полоса.

— Ну, что я наделала? — всхлипнула она.— В чем пойдешь?

Женя прикинула на себя обновку: юбка была — клеш, будет строгая.

— Мама, здесь на десять минут работы, успокойся. Сделаем на этом месте складку, прострочим ее, и все!

— И правда! — воскликнула мать, радуясь быстро найденному выходу.

Руки ее привычно засновали, распарывая шов.

— Не понимаю: к чему столько нервов! — пожала плечами Женя.

— Но ты же опоздаешь, на первый в жизни бал опоздаешь! — простонала мама.

— Подумаешь — бал! Пойду позвоню Евгении Петровне с Серегой, чтоб взяли мое «Свидетельство», и все!

— Женя,— опустились вдруг руки мамы.— Почему ты такая?

— Какая?

— Ну... взрослая не по годам... все знаешь, все умеешь. Мне иногда кажется, что ты старше меня...

— А это разве плохо, мам?

— Плохо, наверно. Я... я во всем виновата...

— Не надо, мама,— опять словно приказала Женя.— Разве я тебе не помогла сейчас? Тебе ведь лучше? И платье спасено.

— Да. Но надо бы по-другому как-то...

— Лучше, если бы я заплакала, упала в обморок, так?

— Да, мне кажется, так было бы лучше,— всхлипнула мама и склонилась над шитьем.— Плакать много — плохо. Но и не уметь плакать — еще, наверно, хуже,— шептала мама, смахивая обильно бегущие по ее щекам слезы.

У Жени тоже защипало глаза. А в таких случаях надо глотнуть крупно несколько раз и покрепче сжать губы. Покрепче, чтобы не заговорить, а то голос выдаст. И не моргать, а то слезы могут выползти, пролиться. Нет! Ни за что.

В школу Женя пришла в новом, мастерски спасенном платье, когда в зале уже танцевали вальс.

Девочки, все неузнаваемо похорошевшие и повзрослевшие, кокетливо порхали, держась за плечи мальчишек. Мальчишки же неумело, широко вышагивали, не попадая в такт, и были такие сосредоточенно-скучные. Так и казалось, что не музыкой они наслаждаются, а считают про себя: «Раз-два-три, раз-два-три...»

Женя нашла глазами Серегу. Он танцевал с Ниной. Когда закружились недалеко от Жени, она ясно услышала:

— Понимаешь, я была в шоке! Это был настоящий шок: взяла билет и ничего не помню! Ты имей в виду, на всякий случай! Мама говорит: я — натура нервная!..

«Щебечет»,— усмехнулась Женя и увидела, как Серега, оставив посреди круга «нервную натуру», топает через весь зал к ней, а Нинка хлопает глазами, растерянная.

— Как ты выросла за этот день! — сказал Серега и смело обнял ее, увлекая в круг танцующих. Но Женя, сразу угадав его неловкость и неумение, сама повела его за музыкой.

— Понял! — обрадовался через мгновение Серега.— Это же, оказывается, так просто! Теперь веду я!

Женя почувствовала уверенную его, надежную руку, заскользила за ним, подумав: «Всему-то надо научить — беда!» — И прикрыла глаза, отдыхая.

Но музыку неожиданно выключили, и в центре зала, вскочив на табурет, призывала всех к тишине староста класса Люся.

— Товарищи, внимание! На тему «Первые экзамены»! А то забуду! Ммм... ммм... Значит, так, первый!

Люська на всех вечерах читала свои экспромты, иногда у нее получалось удачно, и теперь все притихли, ждали заинтересованно.

Ее мама шьет платья для сцены,
Ее папа шьет обувь для сцены.
Может, скоро и наша Женя
Звездою взойдет на сцене!

— Мерцатой! — засмеялся кто-то.

— Про мерцатую у меня дальше! Вот, слушайте! — закрыла Люська глаза и заныла, как заправская поэтесса:

Звезда тысячелетая
Упала, ошалетая,
Как птица окольцатая,
Звезда моя мерцатая!..

Хохотали все, и выпускники, и их учителя, и гости.

— Это хорошо! — сквозь смех слышались возгласы.

— Это по-настоящему хорошо, слышишь, Люська! Ты молодец!

— Люсенька, Люсенька,— прорывалась к поэтессе бабушка Евгения Петровна.— Дай списать, а то забудешь!

И, записывая, приговаривала:

— «Ошалетая»... это точно... это про него...

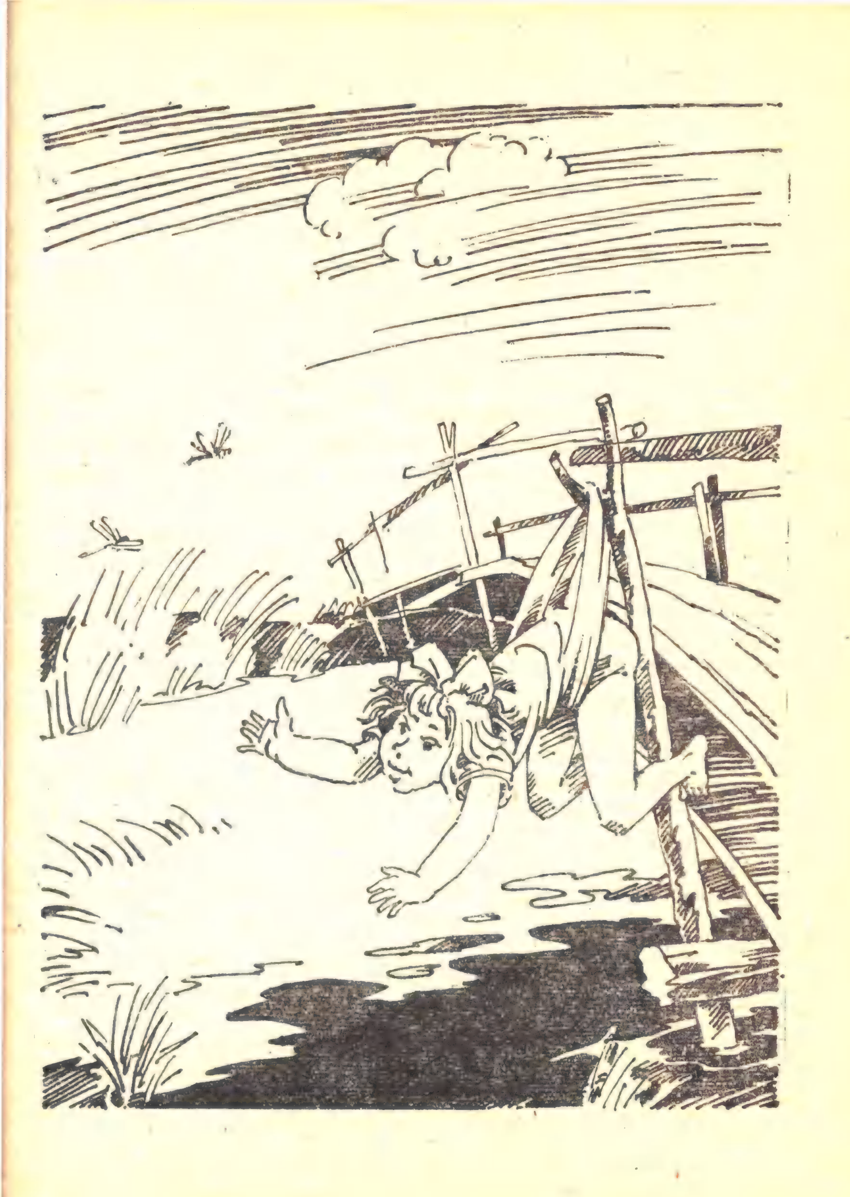
Правда, внук ничего этого не слышал: они с Женей, не сговариваясь, вышли из веселящейся школы и остановились под тополем.

— Жень,— сказал Серега, рассматривая небо, будто перед ним висела карта.— Ты какая-то сегодня не такая... — И лицо его, освещенное июньским небом, было непривычно серьезным, даже печальным.

— Во-он, смотри,— показал он.— Звездочка зажглась! На небе светло, а ее видно! Пусть она будет Мерцатая, я тебе ее дарю.

— Мне уже дарили звезду,— вспомнила Женя.

— Кто?

— Мальчик один...

— Кто? Когда? — разыгрывая роль, но и не умея скрыть тревоги, навис над Женей Серега.— Секреты?

— Да я тебе про него рассказывала. Это было еще в деревне.

— А-а, вундеркинд тот, который через классы перешагивает. Зовут его как-то смешно, по-старинному...

— Да,— засмеялась Женя.— Антип...

— Ты его все еще помнишь?

— Конечно!

— А я нет... Я тоже раз в детстве влюбился в одну девочку из соседнего дома. Мы с ней даже не разговаривали никогда. А я все равно знал: она тоже в меня влюбилась. Мы с ней на балконах влюбились. Девятого мая. Я стоял на своем балконе, а она — на своем. Мы салют смотрели. Потом я случайно повернул голову — она смотрит на меня. Ну и я стал смотреть не на салют, а на нее. Стоим, смотрим и не уходим. И все хочется смотреть и смотреть. Потом я каждый год перед Девятым мая так волновался, так салюта ждал! Она, наверное, тоже. Потому что мы каждый год в этот вечер выходили на свои балконы и смотрели друг на друга. А раз вышел, а ее нет. Так и не появилась. Потом я узнал: они давно уехали куда-то. Пришлось забыть...

— Нет,— сказала Женя.

— Что? — не понял Серега.

— Не забыл. Вон как разволновался, пока рассказывал,— значит, не забыл...

— Не забыл, конечно... Но вот что получается: я вырос, а она, та девочка с балкона, все такая же в памяти осталась — маленькая, с темной челкой, которая ей в глаза лезла, мешала, и девочка делала вот так,— он мотнул головой, словно отбрасывая со лба волосы...— Интересно жить на свете! — хохотнул Серега.

— На свете жить трудно,— эхом отозвалась Женя.

И Серега замолчал. Потом спросил:

— Так и не скажешь, что с тобой происходит?

— Скажу,— посмотрела в его глаза Женя.

— Когда? — встревожились эти глаза.

— Завтра...

— Ну, доживем до понедельника! — оптимистически воскликнул Серега.— Пошли попляшем?

— Женя! Сережа! — окликнула их бабушка.— Вот вы где! А тебя, Женя, Елена Германовна спрашивала...

Елена Германовна, обняв Женю за плечи, повела ее по коридору в дальний пустой класс.

Шла рядом с рослой Женей, стройная, легкая. Не поймешь, сколько ей лет. Иногда кажется — не меньше сорока. А иногда — она будто только что из института. «Прекрасная наша»,— проглотила Женя внезапно застрявший в горле комок.

Так когда-то, классе в шестом еще, назвала Елену Германовну Люська. Очень, видно, точно назвала, потому что иного прозвища у их классной руководительницы не было.

«Прекрасная наша»... И не потому совсем, что имя — Елена. Да и красавицей ее не назовешь: неопределенного цвета волосы, коротко стриженные, носик — очки на нем едва удерживаются. И бледненькая от вечного недосыпания. Но все равно — «прекрасная наша». За все пять лет не было такого, чтобы их классная руководительница кого-нибудь обидела окриком ли, словом каким, недоверием. А в пятом да в шестом, помнит Женя, мальчишки вдруг стали просто неуправляемые.

Елена Германовна замолчит, бывало, на полуслове, отвернется от них, долго смотрит в окно. Пока в классе не наступит мертвая тишина. Она повернется, скажет спокойно:

— Продолжим работу.

И ни упрека, ни нотации.

А после уроков оставит зачинщика и один на один так с ним поговорит, что тот помощником ее становится — из нарушителя-то.

Вот и с ней, с Женей, решила, видно, Елена Германовна с глазу на глаз поговорить, без свидетелей. «Но о чем?» — подумала с волнением Женя.

Взрослый разговор

Ученица и учительница сели за парту рядом, как подруги.

— Женя,— начала разговор Елена Германовна.— Ты ничего не хочешь мне сказать?

Женя вскинула на нее удивленные глаза: догадалась, обо всем догадалась Елена Германовна.

— Хотела,— прошептала виновато Женя.— Завтра хотела про все рассказать и... и попрощаться...

— Значит, уезжаешь?

— Да,— сказала Женя и спросила: — А... а как вы узнали? Я ведь даже маме еще не сказала... и никому...

— Я все про вас знаю,— печально улыбнулась учительница.— Вернее, чувствую... А вчера, когда Василий Павлович решил тебя в комсорги, ты так на него посмотрела... И я поняла: собралась уезжать от нас... Просто представить трудно: вхожу первого сентября в девятый «Б», а Жени нашей нет... Вот и решила спросить тебя: может, торопишься? Детские мечты чаще всего не сбываются...

— Нет, Елена Германовна, решила я. Домой мне надо, в свою деревню. Жить там хочу... и работать...

— Дояркой?

— Дояркой.

— Оператор машинного доения — так в газетах пи-

шут,— сказала учительница, задумчиво глядя на свою ученицу.

— Нет, дояркой. Не люблю, когда называют «оператор»...

— Почему? Ведь так точнее, современнее.

— Все равно что корову назвать: «аппарат, производящий молоко».

Посмеялись.

— А раз есть живая корова,— при этих словах глаза Жени потеплели, оттаяли словно,— то, значит, и всегда будет доярка. Так я думаю.

— Да, корова у тебя была написана, как живая. Помнишь, классе в пятом мы, кажется, писали сочинение «Кем быть»? Корову твою я до сих пор так и вижу: большая, крупная, с добрыми глазами. Жует, шумно вздыхает, на ночлег устраивается, в стадо утром бредет, сонная, ленивая. Хорошо ты написала, от души. А парное молоко... У меня слюнки и сейчас текут — попить бы...

Женя смущенно слушала.

— Но это было в пятом классе,— продолжала учительница.— Ты еще помнила деревню, коровушку свою любимую... А теперь. Ты ведь давно — девочка городская... И семья у тебя...

— Я ничего не забыла, Елена Германовна! — выкрикнула Женя.— И... и... я не городская, я деревенская... Всегда была деревенская... Так сложилось... пришлось нам с мамой переехать сюда. Но теперь я вернусь... Там мой папа...

И Женя вдруг заплакала. Не успела применить способы, выработанные тренировкой: сжать крепко губы, вдохнуть глубоко несколько раз. Не успела и разревелась, как когда-то в детстве.

— Женя,— обняла ее учительница.— Прости меня, Женя. Я ведь не знала, что у тебя отчим... Он к тебе

3 Заказ 544

так хорошо относится... Я тебя понимаю! я тоже росла с отчимом. И всю жизнь рвалась к родному, да так и не успела...

— У меня все-все наоборот,— глотая слезы, говорила Женя.— Здесь родной отец, а там неродной. Но он... он самый мне родной. Я с ним выросла...

Она помолчала и уже спокойно, только будто сильно устав, продолжала:

— Мне кажется, что там, в деревне, я жила долго-долго. И сюда уже взрослая приехала. Всему-всему там научилась. А здесь жила будто понарошку...

— Я тебя понимаю,— торопилась успокоить Женю Елена Германовна.— У меня все так же было. Я училась в восьмилетке. Мы рано старшими становились, за все в школе отвечали. Мне тоже казалось, что я всему научилась в своей восьмилетке. Даже в институте будто и учиться нечему было. То есть знания, конечно, приобрела, а вот как жить — это оттуда, из восьмилетки... Да, Женя, все у человека начинается с детства, в самые его ранние годы... Ты права. Но как мы-то без тебя будем? Жалко! А я такие классные часы разработала! Столько интересного собрала! Все ждала, когда начну с вами взрослые разговоры...

— Я приезжать к вам буду... на классные часы,— улыбнулась Женя.— И вообще — я учиться и дальше мечтаю, Елена Германовна, вы не думайте! Я буду на ферме работать и в вечерней школе учиться... потом в техникуме, потом, может, и в институте, вы не думайте...

Серега, как только увидел Женю, мгновенно скатился вниз по перилам, заглянул в заплаканные глаза:

— Жень, что? Обидел кто?

— Да нет, что ты,— улыбнулась она и, представив в эту минуту, как они прощаются с Серегой, может быть, навсегда, подняла вдруг руку, пригладила растрепавшие-

ся жестковатые его волосы, вздохнула: — Эх, ты! Звезда наша мерцатая!..

А Серега от этого ее жеста вспыхнул радостью, перехватил руку Жени, крепко сжал, и они побежали вверх по лестнице.

Про корову Марею

Ранние свои годы Женя, конечно, как и все люди, не помнит. Знает о них из рассказов мамы, папы, соседей.

Самый же первый день, с которого как бы и началась ее жизнь, она помнит в мельчайших подробностях. И вспыхивает он в ее памяти, как только она захочет, во всех красках, будто в телевизоре.

Зеленый-зеленый луг, по которому она, шестилетняя девочка, бежит, босая, в новеньком голубеньком, как небо, платьице. Вдали речка, тоже голубая. Женя бежит туда, к речке. Бежать легко, под горку.

Она долго стоит у самой воды. Кажется, что речка мелкая, камешки на ее дне разноцветные. По ним скользят ма-аленькие рыбешки.

Одна рыбка остановилась, стала смотреть на Женю. Долго смотрела, будто купаться звала.

И Женя ступает в воду, взвизгивает от страха и радости вместе, рыбки испуганно метнулись от нее туда, где поглубже, потемнее. Идти к ним Женя не решается: глубоко, страшно...

Набегавшись по речке вдоль самого бережка, она засмотрелась на другой берег. Там начинался лес.

Женя смотрит так, словно пытается заглянуть внутрь, за деревья, словно ей хочется и там увидеть плавающих рыбок или еще кого-нибудь.

Но речку не перейти. Сверху вода блестит, веселит, а под этими блестками — еще мно-ого темной, густой воды.

И тогда Женя бежит к переходу. Это две жердочки, а по бокам колышки, воткнутые в воду. За них держатся, когда переходят речку по этим жердочкам.

Женя добежала до середины перехода, покачалась на жёрдинках, ухватившись за колышки, засмотрелась вниз.

Отсюда, с перехода, речка показала ей свое нутро. Уж и не очень-то там темно. Качаются плавно, как от ленивого ветра, зеленые растения, плавают большие рыбы, важно, неторопливо.

Вот одна плыла-плыла, потом остановилась у кустика и давай есть, глодать зеленые листочки.

— Рыбка, рыбка, ты, что ли, обедаешь? — засмеялась Женя и еще ниже к воде наклонилась. И вдруг поняла, что падает в речку вниз головой. От страха она даже крикнуть не успела, только крепко-крепко зажмурилась.

Открыла глаза — а речка близко-близко, перед самым ее лицом.

А сама она покачивается над водой — висит! И так это понравилось Жене, что она засмеялась, раскинула пошире руки и даже запела:

А я ласточка, ласточка!
И я летаю над водой, вот!
И все дома перевернулись
Вниз головой!
И все сосны да березы перевернулись
Вниз головой!..

«А почему это я не падаю? — подумала вдруг с испугом Женя.— Кто это меня держит над речкой? А-а, Это, наверное, мой папа».

— Папа! Подержи меня еще немножко!

Но папа молчал.

Тогда Женя с трудом повернула голову и увидела,

что она зацепилась новеньким своим платьицем за колышек, а вовсе никто ее не держит.

«Как же я теперь буду есть да спать?» — с ужасом подумала Женя и уже собралась заплакать, но вдруг увидела корову. Большую, пеструю, рогатую.

Женя притаилась, даже дышать перестала, так испугалась этой громадины.

Корова тоже перестала пить воду, стояла и смотрела на девочку большим своим глазом. Таким большим, что в нем помещалась речка, небо и даже домик, только все это было ма-аленькое. С больших черных губ коровы стекала струйкой вода.

— Вытри рот! — сказала Женя. И тогда корова решительно шагнула, и ее морда оказалась совсем рядом с лицом девочки.

Жене уже надоело летать над речкой.

— Мама! Па-па! — захныкала она.

А корова стояла и молча, не моргая, смотрела на нее.

И тогда Женя как схватится обеими руками за ее крепкие рога. А корова как мотнет головой. И Женя полетела с ее рогов прямо в крапиву!

— Ай-яй-яй-яй! — завопила она и кинулась домой. Бежала мимо огородов и причитала:

— Ай-яй-яй! Корова! Корова! — только и могла выговорить сквозь слезы.

— Что? Что стряслось с тобой? — выскочил из ограды папа, подхватил дочку на руки.— Ты в крапиву, что ли, забралась? — увидел он ее изжаленные, в красных пятнах, ноги.— Женя, дочка, ты зачем в крапиву-то полезла? А платье? Где это ты успела порвать новенькое платьице, а?

— Корова... корова,— всхлипывала Женя.— Такая большая...

— Нечего-нечего! — прикрикнул на нее папа.— Не присбирывай-ка! Коровы у нас в деревне не бодучие,

коровы у нас добрые! Ну-ка, рассказывай, как дело было!

И так хохотал, когда понял путаный рассказ дочери.

— Ну и путешественница ты у нас! Ну и озорница! На речку одна поплелась! Разве можно! А если бы упала с перехода да утонула!

— Не-ка! — смеялась теперь и Женя.— Тама, в речке, рыба большая живет. Она там обедает. И меня бы покормила, вот. И много-много ма-аленьких солнышков на речке. Они все блестят, даже глаза щиплет...

— Ух ты, мое солнышко! — подхватил папа дочку на руки, и она опять полетела — в небушко да к траве, в небушко да к траве.

— Стой-ка! — вдруг спохватился он.— А не наша ли это гулена-коровушка тебя выручила? Не она ли опять из стада удула? Ну-ка, посиди. Да смотри — никуда из ограды, поняла?

— Да, папа, поняла: я вот здесь вот постою! — И она все-таки вышла из калитки и прижалась к забору. И стала смотреть, как папа побежал к речке.

— Папа! — крикнула ему.— Не ходи туда: тама крапива! Она злая и колючая!

— Нигде нет нашей коровушки,— вернулся скоро папа и развел руками.— А ты не придумала, Женька, а? Может, и не было никакой коровы?

— Бы-ла-а-а! Бо-льша-а-а-я! Глаз — вот такой у нее! В нем речка, и небо, и дом наш, вот!

— Ох и фантазерка! — засмеялся папа.— Давай-ка зашьем-починим твое платьишко, пока мама не пришла! Ох и попадет нам! Неси-ка иголку с ниткой.

Они сидели на теплом крылечке рядышком, и папа, щурясь от вечернего солнца, зашивал дочкино платье. Женя смотрела, смотрела, как ходит туда-сюда в его пальцах иголка, и попросила:

— А дай я сама! Я сумею!

И теперь папа сидел и смотрел, как дочка старательно втыкает в ткань иглу.

— Ох ты — хорошая моя! — наклонился он и поцеловал ее в лоб, в щеки, в глаза.

— Ох ты — хороший мой! — обхватила Женя папу за шею и тоже поцеловала его в лоб, в щеки, в глаза.

А потом пришла домой корова, и Женя сразу узнала ее.

— Папа! Папа! — закричала Женя.— Корова эта пришла!

— Ну, я вижу! Она, что ли, тебя спасла-то?

— Да, она! Я ее сразу узнала! А как ты думаешь, она меня тоже узнала?

— Да она тебя давно знает! — засмеялся папа.

— А почему же я ее никогда-никогда не видела? — удивилась Женя.— Она, что ли, у нас не жила?

— Да всегда жила! Просто у человека все бывает когда-то — в первый раз! Смотрит-смотрит человек на солнце, а потом однажды поймет: это солнце! Смотрит-смотрит на корову, а потом вдруг только скажет: ко-ро-ва!

Корова слушала и смотрела одним глазом на Женю, а другим на улицу, как будто не нагулялась.

— На, угости ее,— дал папа Жене кусочек хлеба.— Протяни вот так на ладошке.

Женя смело подошла к корове и протянула ладошку с хлебом. И корова перестала другим глазом косить на улицу, а посмотрела на Женину ладошку, наклонила свою большую рогатую голову и слизнула мокрым, шероховатым и теплым языком свое лакомство.

— Ой! — засмеялась Женя, вытирая руку о платьишко.— Она чуть всю мою ладошку не проглотила! Папа, а можно я ее почищу? Смотри: ей же, наверное, больно!

— Можно! — сел папа около коровы с подойником.— Я буду доить, а ты обирай-ка с ее боков репьи, обирай.

— Вот умница моя,— приговаривал папа, быстро-быстро работая руками.

— Кто, пап, кто умница? Корова, да?

— И корова — умница! И дочка у меня — умница! И мама у нас — умница! — увидел он, как распахнулась калитка и пришла с работы мама.

— Ну, как вы тут? — спросила она.

— Хорошо! — сказали вместе Женя и папа и переглянулись заговорщицки: мол, ничего не скажем ни про крапиву, ни про платьице.

— Вот и хорошо, раз все хорошо,— вздохнула мама и остановилась рядом с папой.— Ты бы, Петя, научил все-таки меня доить корову. А то как-то совестно, перед соседями неловко...

— Нечего-нечего! Доить корову — дело мужское, ясно? А тебе руки твои золотые беречь надо!

— А у меня какие руки? — тут же капризно спросила Женя.— У мамы — золотые, а у меня какие? — вертела она перед глазами растопыренными пальцами.

— А у тебя еще маленькие, вот какие! Вырастешь, и узнаем, какие у тебя будут ручки. Если в маму, значит, тоже золотые!

— Будто у папы — не золотые,— вздохнула опять мама.— Вся работа по дому на тебе... И у папы, дочка, тоже руки золотые,— обняла она Женю за плечики.

— Нечего-нечего! — радостно блеснула улыбка папы, и Женя увидела, как его руки заработали еще быстрее и молоко в подойнике забулькало, запенилось.

— Принеси-ка, Женька, стаканы! — скомандовал весело папа.— Из-под коровы молоко — самое полезное!

Таким и запомнила Женя свой первый день: трава в огороде зеленая, бархатистая; небо красивое, красноватое; молоко в стаканах белое, теплое, вкусное; а глаза у мамы с папой добрые-добрые...

Вечером, укладывая дочку спать, мама, конечно, обнаружила, что новенькое платьице разорвано.

— Уже! Успела! — покачала она головой.

Женя поскорее спряталась под одеяло.

— И кто это зашивал? Уж не сама ли?

— Мы вместе зашивали,— засмеялся папа.

— Мы вместе! — повторила Женя.

— И за что это ты зацепилась — целый клок выхвачен? И кто это тебя драл, Женька?

Жене с папой пришлось про все рассказать. И про лес, куда Жене захотелось сбегать. И про речку, в которой живут большие добрые рыбки и рыбки ма-аленькие, наверное, их дочки. И про колышек, который порвал платье. И про корову, как она спасла Женю.

— Ничего себе — спасла! — округлились от страха глаза мамы.— А если бы она тебя рогами? А если бы ты упала да сломала руку или ногу?

— Если бы да кабы! — засмеялся папа.— Позади уже все! И — нечего-нечего!

И чтобы мама совсем успокоилась, он начал рассказывать:

— Коровы — умный народ, бояться их нечего. Вот у нас, когда я был маленький, жила корова. Вот корова так корова! Хитрющая! Про нее можно без конца рассказывать! И звали ее все уважительно — Марея!

— Расскажи! — попросила Женя.

— Ну ладно, слушай,— охотно согласился папа.

— Спать пора,— задергивая голубые занавески на окнах, вздохнула мама.— Спать. А вы с разговорами. Поздно уже. Вон звезды зажглись. И дорога уже белая...

— Мамочка, папа чуть-чуть расскажет про Марею, и все! Чуть-чуть! — попросила Женя и подумала: «А почему это дорога днем — черная, а ночью и правда — белая?..»

— Ну, слушайте,— засмеялся в сумерках горницы

папа.— Марея эта, корова наша, знаменитая была на всю округу. И больше всего на свете любила она лакомиться.

Вот раз настряпала соседка тетка Дуня, напекла всякой всячины — сына со снохой из города в гости ждала. Напекла и в сени вынесла, на сундуке разложила свои плюшки-печенюшки-калачики. А стряпня у нее — самая в деревне знаменитая. Она, все знают, если стряпаться задумала, ночь не спит — тесто холит, нянчится с ним, как с малым ребенком. Зато ее печенюшки станешь есть — язык проглотишь.

Вот разложила тетка Дуня свои произведения на сундуке, полотенцем прикрыла и в магазин побежала: до приезда гостей, мол, поспею. Возвращается — двери сеней настежь и ни одной печенюшки. Тетка Дуня туда-сюда — нету! Она в улицу: «Ой-ей-ей! Люди добрые, воры! Воры у нас объявилися! Ой-ей! Чем же я теперь гостей-то своих долгожданных потчевать стану?»

А Марея наша стоит неподалеку и слушает тетку Дуню, хитрым глазом на нее поглядывает да облизывается.

Тетка Дуня взглянула на корову и на полслове умолкла... Глядит и ничего понять не может: на одном-то роге у нашей Мареюшки калач сдобный висит, покачивается, как на гвозде...

Поняла тут тетка Дуня, что за воры в деревне объявились. Кинулась к корове, сняла с ее рога калач: так и есть — ее изделие. Ароматный да мягкий калач-то, тепленький еще, из печи недавно вынутый.

«Лиза! Лиза! — прибежала тетка Дуня с этим калачом к нам.— Лиза! — это мою маму так звали, бабушку твою, Женя.— Да когда же вашей Марее укорот-то будет? Да што же это вы за ей не следите нисколь!» А за ней уследишь — такая хитрющая была! «Для вашей коровушки я ночь-то не спала — тесто холила! Для-ради

вашей Мареюшки я печь раньше всех затопила! Для-ради нее я пекла свои сдобы да на сундук их склала, чтоб отдохнули оне!..»

Причитает так, помню, а саму смех разбирает. Да и мы все так и покатываемся, как представим, какое счастье привалило нашей Марее — печенюшки тетки Дунины!

Еще до солнышка...

С тех пор вместо сказок слушала Женя перед сном папины рассказы про корову Марею. И смешные, и грустные. Ведь корове за ее проказы и доставалось тоже.

По воскресеньям Марея на базар уходила, нравилось ей там прогуливаться меж торговыми рядами. Народу — тьма! И она в толчее вышагивает. Идет-идет, мешки с мукой, с зерном увидит и — туда. Остановится у мешка и даже не смотрит будто в его сторону. А только хозяин отвернется, зазевается, Марея — в мешок мордой. Там лизнет пшенички, там муки. Домой вернется сытая, довольная и до самых рогов, как в пудре, в муке-то!

Смеется Женя, представив коровью морду в пудре. Вот щеголиха! Вот модница!

Мучилась-мучилась с коровой бабушка Лиза и решилась отдать Марею в совхозное стадо. Отдали. Себе телочку оставили, из нее потом корову вырастили.

А Марея и там, в совхозном стаде, верховодить скоро стала!

Раз пригнал пастух стадо к ферме, закрыл коров в загоне и уехал на обед. Приезжает к загону, а он пустой. Пастух испугался: где коровы? Вдруг, не ровен час, в поле, в пшеницу или в овсы удули. Огляделся. Коровы на обоих берегах речки полеживают, жуют свои жвачки тихо-мирно. Им там, видите ли, удобнее отдыхать, у речки-то, в травушке-муравушке...

Пастух задумался: кто же это выпустил коров из загона? В другой раз пригнал стадо, закрыл и спрятался. Стал наблюдать. Сперва все было спокойно: которая корова стояла, которая лежала на вытоптанной черной земле.

Потом одна корова подошла к пряслу, подняла голову, огляделась: нет ли, мол, поблизости людей — и за дело!

Прясло — это такие тоненькие жердочки, двор ими огорожен, или огород, или загон для коров, овец.

Вот Марея (это была, конечно, она) попробовала рогами одну жердь, другую — не поддаются. Она — к третьей, к четвертой. И нашла ведь, где выход. Подхватила рогами жердь, отбросила в сторону. Подхватила другую — отбросила. Ну, а ниже-то и перешагнуть уже можно.

Марея подняла голову победно, скомандовала товаркам своим: «Ммму!» — мол, за мной! И все стадо устремилось за ней в эти ворота.

Засмеялся пастух, вышел из своего убежища, сел на коня и погнал стадо на пастбище. А Марею с тех пор за ее ум да сообразительность полюбил: прикармливал, ласкал, домашним хлебцем потчевал, сольцой. Коровы любят соли лизнуть. Это им все равно что человеку конфетку съесть.

Женя теперь тоже каждый вечер, как только корова приходила домой, угощала ее солью и хлебом. И казалось ей, что это та самая корова-выдумщица. Она и звать ее стала Марея, Мареюшка.

С каждым днем привязывалась она к корове все больше и больше. И уже нисколечко не боялась ее. Оглаживала коровьи бока, обирала с них разные колючки, расчесывала коротенькую мягкую шерстку, давала облизывать свои ладошки.

А когда папа, собираясь доить Мареюшку, мыл коровье вымя, Женя помогала ему, приносила из избы

теплой воды, полотенце. И пока не наполнится подойник пенистым молоком, не отходила от коровы, смотрела, как льются белые струйки, как ловко работают папины руки.

— Э-эх, Пётро, не позорил бы ты наше мужское звание! — сказал как-то дяденька какой-то, остановившись у забора.— А еще инженер! Надо было, конечно, институты кончать, чтобы корову доить!

— Вот для этого и надо бы, дядя Степан! — засмеялся папа.— Именно для этого!

— А женка — что же? Городская? Не хотит ручки пачкать?

— Скоро я буду доить корову! — строго сказала этому дяде Женя.— Вот только чуть-чуть подрасту и научусь. Правда же, папа?

— Ну-ну! Вот это по-нашему! Давай подрастай! А я пошел! — смягчился дядька.

— Папа, а ты сейчас научи меня! — попросила Женя.

— Нечего-нечего! — зачерпнул папа в подойнике молока, подал ей кружку, засмеялся.— Торопыга! Успеешь! А пока — пей молочко. Научишься! Что тут мудреного? Все девчонки умеют, и ты научишься. Главное разве в этом?

— А в чем?

— А в том: рано утром вставать надо, а это нелегко.

— Я рано просыпаюсь! — затараторила Женя.— Меня солнышко будит! В окошко заглянет, по глазам защекочет — я и проснусь!

— А потом — на другой бочок да опять спать? — засмеялся папа.

— Ага,— согласилась Женя: вставать рано трудно.

— С солнышком — это, дочка, поздновато. Надо до солнышка. Вот когда научишься до солнышка вставать, тогда и заменишь меня у коровы.

— А мама так и не научилась? — спросила Женя.

— Маме ни к чему: она у нас городская. А ты девочка деревенская, тебе надо. Да и работа у мамы с девяти часов — терпит.

Папа никак не ожидал, что дочка в эту же ночь начнет учиться рано вставать.

Она лежала в своей кровати, смотрела на бесцветное сонное небо и думала: «Как бы не проспать... как бы не проспать...» Издалека-издалека мигнула ей ма-аленькая, едва заметная звездочка.

«Звездочка, милая, разбуди меня, пожалуйста, до солнышка!» — попросила Женя. «Ладно,— опять мигнула звездочка.— Разбужу! Спи спокойно!..»

И Женя уснула. Ее разбудила не звездочка, а Луна. Она выплыла из-за тучи, круглолицая, и нахально повисла на ветке березы, прямо над окном.

Женя от ее взгляда вздрогнула, проснулась, села в кровати:

— Что, уже пора?

— Конечно! — качнулась на ветке Луна и усмехнулась.

Жене так не хотелось просыпаться...

— Да поспи еще часок,— прошептала ей в самое ухо Луна.

Женя закуталась в теплое одеяло, зарылась носом в подушку.

Но вдруг как подскочит.

— Нет-нет! Не обманешь меня, хитрая Луна! Не буду больше спать! Мне надо встать до солнышка!

Луна качнулась сердито на ветке и вдруг прямо на глазах начала бледнеть, бледнеть. От ветки оторвалась и поползла вдаль, за облако. И скоро стала маленькой и едва заметной. Зато береза, наоборот, стала ясной, будто кто нарисовал каждую веточку, каждый сучок на белом листе бумаги.

4 Заказ 544

Потом дом соседний нарисовался. Потом вся улица. Потом горка вдали за деревней и лес на горке...

— Утро! — догадалась Женя.— Утро! Светает! Это же так утро светает!

Она быстро надернула сарафанчик и потихоньку, чтобы не разбудить ни папу, ни маму, выскользнула на крыльцо.

На улице было прохладно и очень красиво: трава во дворе серебрилась от росы. И в огороде все было словно выкрашено не в зеленый, как днем, а в синий цвет. И синел вдали лес.

Женя вышла на середину двора, задрала голову и внимательно оглядела небо: солнца нигде на нем не было. Только с одной стороны горел край неба, будто там, далеко, был большой пожар.

— Вот и проснулась! Вот и до солнышка! — похвастала Женя траве, огороду, речке, лесу...

Так же осторожно прошмыгнула она на кухню, взяла подойник, полотенце и маленькое ведерко с водой. Это ведерко она уже давно научилась носить не расплескивая воду, потому что по вечерам помогала папе мыть коровье вымя.

— Доброе утро, Мареюшка! — сказала Женя, войдя в полутемный еще сарай, где летом спала корова, а зимой хранились сухие дрова.

Корова посмотрела на Женю сонными глазами и отвернулась: вот, мол, не спится тебе! Я и то не отдохнула еще...

— Вставай, Мареюшка! — просила ее Женя и подталкивала в бок легонько.

Марея вздохнула тяжко и поднялась нехотя.

— Вот наша умница! Вот наша кормилица! — приговаривала Женя и плескала водой на теплое, мягкое, как подушка, вымя. Уткнувшись в ласковый бок лбом, Женя сухо-насухо протерла вымя полотенцем и подставила ма-

ленькую табуреточку поближе к корове. И вот — решилась: начала доить!

Но не тут-то было! Соски растягивались, а молоко из них никак не текло. Женя нажимала изо всех сил, даже испарина на лбу выступила, а молока в подойнике — ни капельки!

— Мареюшка, ну дай мне молочка, ну пожалуйста!

А Мареюшка как хлестнет ее хвостом по спине! Как пнет подойник!

Женя от неожиданности с табуретки — кувырк! — упала. А корова ушла в угол сарая и стояла там, отвернувшись. Обиделась. Жевала громко свою жвачку да хвостом помахивала, будто предупреждала: не подходи ко мне, раз доить не умеешь, а то опять хлестну тебя хвостом...

— Женя, это ты? А я ищу, ищу подойник. Ты что? Зачем ты?

— А я встала, папа! До солнышка проснулась! И уже вымыла вымя! Я бы и подоила, да Мареюшка почему-то не дает мне молока! Ну никак!

Папа так обрадовался:

— Ну и молодец ты у нас, Женька! Настырная! Сказала — и сделала! Ну, Женька, с такой волей — горы ты у нас свернешь! Молодец! А доить тебе еще рановато. Ну, нечего-нечего! — увидел он слезы на глазах дочери.— Научу! Вот пальчики окрепнут, и научу! Тут сила да сноровка нужны,— успокаивал дочь, а молоко наполняло подойник.

— Неси-ка кружку! — скомандовал папа.— Да потише — пускай мама еще понежится.

Женя вышла на крыльцо с кружкой и ахнула: из-за горящей кромки земли показалась тоненькая золотая дуга. Дуга эта стала расти-расти, превращаясь в огромный алый шар.

— Папа! — позвала Женя.— Смотри! Смотри!

И они, не сговариваясь, засмотрелись не на солнце, а за речку. Там стояли в хороводе взрослые сосны и маленькие сосенки. А посреди росла елочка. И вдруг вся опушка вспыхнула, будто кто враз лампочки включил. Каждая сосна гирляндами опутана и горит, горит, переливается разноцветно. А маленькие сосенки зажгли все разом свечки и подняли их повыше в ладошках. И — начался вокруг елочки праздник!

— Папа! — прошептала Женя.— Это же будто Новый год! Правда, похоже?

— Да,— отозвался тоже шепотом папа.— Истинно: лесной Новый год! Не всегда такое диво увидишь... Ну вот — теперь ты знаешь, как всходит солнце...

— Торопится, смотри, пап, оно торопится!

— Как же ему не торопиться: Земля большая, кругом всю надо обойти, всех обогреть...

Опушка за речкой погасла. Зато освещенные солнцем облака стали походить на дальние неведомые страны.

Жене хотелось запомнить все, что она увидела в эти несколько мгновений. И еще ей хотелось кому-нибудь об этом рассказать. И про лесной Новый год. И про то, как меняются на небе краски. Как расступаются перед солнцем облака...

Она смотрела и повторяла: «Как красиво! Как красиво!»

— Да, Женька, жизнь прекрасна! Ты это знай! И если тебе когда-нибудь станет плохо, ты знай: каждое утро всходит на небо солнце!

— Почему мне станет плохо? — удивилась Женя.

— Все бывает в жизни,— сказал папа.— Вдруг обидит кто, мало ли? Вдруг плакать захочется? Тогда ты вспомни про это вот утро, встань пораньше, взгляни, как восходит солнце, и все твои печали как рукой снимет!

— А почему ты маму не научил? — спросила Женя.

— Ты о чем, Женя? — затревожились глаза папы.

— Мама плакала недавно. Тебя не было дома. Спряталась за поленницу и плакала. Думала, что я не вижу. Ты бы показал ей, как всходит солнце...

— Хорошо,— пообещал папа.— Хорошо, дочка.— И он крепко обнял Женю за плечи.

— Ты не знаешь, почему мама плачет за поленницей? — спросила она.

— А ты недавно почему плакала? Колено расшибла и в слезы,— сказал папа.— Вот и мама, может, тоже колено расшибла... Заживет. Ты только, Женечка, не спрашивай маму, ладно? Ну, пей-ка молоко! И нечего-нечего на солнце без конца смотреть — глаза могут заболеть! На солнце тоже долго смотреть не годится! Надо и на землю почаще поглядывать, поняла?

— Ну, здравствуйте, раноставки! Дайте же и мне парного молочка! — вышла на крылечко мама, и как всегда, в таком нарядном платье, что папа и Женя стали сразу смотреть не на солнце и не на землю, а на маму. Потом папа опомнился, зачерпнул полную кружку парного молока, подал маме. И смотрел, как она пьет мелкими глотками.

— Ох и вкусно! — облизнула мама яркие губы.— Уж не ты ли, Женька, доила сегодня корову — молоко уж очень сладкое!

— Нет,— сказала Женя.— Я еще не научилась. Я только вставать до солнышка научилась...

— До солнышка? Это правда — она встала до солнышка? — не поверила мама.

— Да-да-да! Я видела, как всходит солнце! Это было красиво-прекрасиво, вот!

— Ну, блаженная! Вся в отца! — засмеялась мама.

Папа от этих ее слов тоже развеселился, подхватил Женю под мышки, закружил по ограде, так что все вокруг слилось в одно зеленое колесо.

— У вас, как ни погляжу, все праздник! — остапо-

вилась у ворот соседка, бабушка Дуня.— Каждое утро, каждый день, каждый вечер. Пора коровушку-то в стадо! Давайте — угоню и вашу!

— Я сама! — вырвалась Женя из папиных рук. И поскакала следом за коровами, приговаривая, повторяя бабушкины слова:— Пошла, пошла! Цыля! Цыля! Вечером ужо отдохнешь! Ужо побалую тебя — оглажу бока, оберу репьи. А теперя — пошла, пошла! Не отставай от товарок своих!..

«И чего это бабушка Дуня хмурится? — думала Женя, возвращаясь так же вприпрыжку к своему дому.— Вон как блестят на каждой травинке росинки-бусинки! И все сосенки, все полянки будто умытые! И речка улыбается издалека, заманивает поиграть на ее берегах. Конечно, праздник! И даже сто праздников в день! А завтра опять встану до солнышка! И опять увижу, как оно всходить будет! И может, завтра научусь корову доить!»

Но это оказалось нелегким делом. Еще одна зима прошла. Новое лето наступило, а Женя так и не научилась.

— Ничего,— успокаивал ее по утрам папа, гремя подойником и позевывая.— Зато ты — мой ассистент. Ассистент ручного доения!

И он хохотал белозубо.

— Ну, не хмурься, не хмурься! Понимаешь, Женька, может, тебе и не надо учиться доить коровушку вручную. Ведь на фермах да-авно машинами доят, аппаратами специальными. Говорят, они уже и для домашнего хозяйства появились в продаже. Вот поедем мы с тобой как-нибудь в тот город, где их делают, и купим! И будешь ты у нас — оператор машинного доения!

— Не хочу! — не понравилось Жене такое скучное длинное название.— Я дояркой буду! Вот!

Папа засмеялся, а потом посмотрел на Женю внимательно и серьезно-строго. Посмотрел и сказал:

— А что? Может, наконец, люди твоего поколения, Женька, поймут: надо кому-то и коров любить доить. Не просто доить, а любить доить! Понимаешь?

Женя поторопилась воскликнуть:

— Поняла! Я люблю доить Марею, только пока никак не научусь!

— Научишься! — засмеялся папа.— Ведь научилась же вставать до солнышка! Ни разу не проспала, всем на удивление!

Новый друг

Однажды, проводив корову в стадо, Женя, не торопясь, шла к своему огороду. Шла, думала: «Вот сейчас потрясу в ограде половики, полью цветы, вымою полы, вскипячу чай и уж тогда разбужу маму. Она встанет, а дома кругом чистота! Потом в огород пойду — опять пора грядки полоть!.. Потом в лес сбегаю — земляника краснеть начала. Успеть бы... А то девчонки с того края все выберут, не успеешь оглянуться, они такие...»

Почему-то Женя никак пока не могла ни с кем подружиться. Играть, конечно, играла со всеми в их улице, а вот подружки у нее не было. Из-за красивых сарафанов да платьев девчонки «задавулей» дразнили. А разве Женя виновата, что ее мама такая мастерица. Попросили бы, она бы им всем сшила по красивому платьицу. Вон девушки даже из других районов приезжают, только чтобы мама сшила им платье. Все давно знают, что у нее золотые руки. А Женя будто виновата.

Шла она так, думала и вдруг увидела на берегу речки незнакомого мальчика. Он сидел на маленьком стульчике, перед ним такой маленький столик или парта — он сидит и рисует. Женя подошла, постояла, посмотрела на него, потом сказала:

— Здравствуй!

— Здравствуй,— не отрываясь от работы, буркнул мальчишка.

Женя увидела на листе знакомую картину: зеленые берега, голубая речка, переход с колышками через нее, тропинка, убегающая в лес...

— Как похоже! — искренне восхитилась она.

Мальчишка молчал. Жене стало неловко: то ли еще постоять, то ли уйти тоже молча.

— А я раз, да-авно, вон на том колышке повисла! — неожиданно разоткровенничалась она.— Зацепилась платьем и повисла! Хорошо! Висишь над водой, качаешься. А в речке рыбы плавают, рты раскрывают, будто пьют и никак не напьются! — И она засмеялась. А мальчишка — нет. Сидел и так же серьезно занимался своим делом. Теперь Женя уж совсем растерялась: как же быть? Уйти — получится, что он обидел ее, а за что?

— Я тебе мешаю, что ли? — догадалась она спросить.

— Да нет,— буркнул опять мальчишка.

— Это что! — обвела она глазами небо, поляну, лес, речку.— Вот ты бы посмотрел, как солнце всходит! Вот уж красиво так красиво!

— Будто ты видела? — сказал мальчишка.

— А как же! Я другое лето встаю до солнышка! Как же мне не видеть!

— До со-олнышка? — опустил наконец художник свою кисть.

— А как же! У нас есть корова Марея! Ее каждое утро доить надо...

— Ты, что ли, корову доишь?

— А как же! — похвастала Женя и смутилась.— С папой вместе. У меня пока не получается...

— У меня тоже ничего не получается! — Мальчишка вдруг провел зигзаг кистью и все замазал.

— Ты что? — испугалась Женя.— Было так красиво! Так похоже!

— Похоже? — рассердился почему-то мальчишка.— А не надо, чтоб похоже! Не понимаешь, так...

Он осекся, увидев, как опечалились глаза девочки, и добавил уже потише:

— Учитель, у которого я учусь рисовать, говорит: если похоже, значит, плохо...

— А как же надо? — не понимала Женя. Зачем тогда он рисовал их речку, и берег, и лес...

— Надо, чтоб лучше, чем похоже,— пытался объяснить мальчишка... и вдруг стал смотреть на нее так, как будто только что увидел. Он смотрел не мигая. Глаза его были широко раскрыты, и один глаз поменьше другого. Он даже рот приоткрыл и стоял не двигаясь, совсем замерев. Женя тоже боялась пошевелиться, будто он ее заколдовал странным своим взглядом.

— Стой так! — приказал он и приколол к своему столику новый лист и начал быстро-быстро работать кисточкой, то и дело взглядывая на Женю. И она поняла: рисует ее!

— Вот, гляди! — сказал мальчишка, а сам отвернулся небрежно от своего рисунка.

Женя посмотрела: на листе бумаги выросла ромашка, а из ее лепестков выглядывала, Женя сразу узнала, она сама!

— Похожа? — не повернув головы, спросил мальчишка.

— Да! — растерялась Женя.— Только ведь я не ромашка, а девочка...

— Я так вижу!..

— Ты, наверное, когда вырастешь, будешь художником,— догадалась она.

— Не выйдет! — коротко возразил мальчишка.

— Почему?

— Папка не хочет! Мама с ним борется-борется. Он хочет, чтоб я стал трактористом или комбайнистом...

— Кем-кем?! — И Женя расхохоталась.

Мальчишка, глядя, как Женя от души смеется, тоже улыбнулся и сразу стал обыкновенным, простым.

— Комбайнером, а не комбайнистом! Ой, не могу! — хохотала она.

— Комбайнером,— повторил послушно, будто заучивая это слово, мальчишка.— Я еще не привык. Мы недавно из города приехали, и я много слов раньше не слышал. Вот как называется, например, такая изогнутая палка,— нарисовал он рядом с портретом Жени дугу.— На ней носят ведра с водой.

— Коромысло! — еще громче рассмеялась Женя. А потом сказала: — Побежали в лес? Там земляника поспевает, побежали?

— Побежали,— загорелся и мальчишка.— Только куда бы спрятать мольберт?

— Чего?

— Да вот эту штуку! — показал он на «столик».— Я ведь живу на центральной усадьбе,— объяснил мальчишка.

— На центральной? — подхватила Женя за ремень этюдник и тут же опустила на траву. — Такую тяжесть таскаешь?

— Все так! — небрежно отозвался мальчишка.— У кого где мозоли, а у нас, у художников, на плече! — И он ловко надел на свое узкое плечико широкий ремень этюдника.

— Давай эту штуку к нам отнесем, тут близко,— предложила Женя, и они пошли к их дому.

— Мама моя тоже на центральной усадьбе работает! — ни минуты не молчала Женя.— И папа! Мама портнихой, а папа инженером, вот!

От радости Женя забыла о всех своих делах.

— Как много разных слов на свете! — помогала она нести новому знакомому этюдник.— А давай я буду учить тебя деревенским словам, а ты меня — городским?

— Ладно! — согласился мальчишка.— Светофор?
— Это я знаю! Я с папой ездила в город и видела!
Когда они пришли домой, мама уже ушла на работу. Посуда стояла на столе вымытой. Дорожки выхлопаны. Пол блестел, только что прополосканный.
Жене стало стыдно — ведь это ее забота. Но только на мгновение. В это утро ей было не до того: ведь у нее появился друг, да какой! Художник!
Они взяли по кружке и побежали в лес по землянику.

Лес начинался сразу за речкой. Сперва сосновый, а дальше разный: и сосновый, и березовый, и осиновый.
— Земляники больше в березняке,— объясняла Женя.— Здесь свету больше. Видишь — вот эти листочки земляникины да костяникины. Костяника к августу поспеет. А теперь под каждый такой листок и заглядывай. Ох, земляника — ягода хитрющая! Спрячется под листок, ищи ее да поклонись каждой!
Листья земляники узорчато расстилались под ногами. Белые стволы берез ослепляли даже без солнышка. Красными капельками никли к траве ягоды.
Женя успевала и в рот положить, и в кружку. А мальчишка больше смотрел, приоткрыв рот, забыв, казалось, обо всем на свете.
Вот приостановился на опушке у большой придорожной кочки. По бокам кочки сквозь узкие острые листья пырея проглядывала красно земляника.
— Да не стой ты у кочки! И не ешь там: на кочках завсегда ягода горькая, хоть и крупная. Не ешь, иди сюда! Здесь — красно!
А он и не ел: стоял да смотрел как заколдованный. Потом попросил:
— Придем сюда еще, а? С этюдником. Я нарисую это,— кивнул на кочку.
— Придем, конечно! — радостно соглашалась Женя.

Когда их кружки наполнились ягодами, мальчишка вдруг весело сказал:

— Ох и попадет мне сегодня! Меня же ненадолго отпустили порисовать, а я шел, шел за речкой... Потеряли уже, наверное.

— Ну, так побежали! — засуетилась Женя и, задрав голову, поискала на небе солнце.

Оно как раз вынырнуло будто со дна небесного озера, заросшего белыми лилиями облаков.

Женя вертелась под солнцем, подставляя ему то затылок, то лоб, то одно ухо, то другое, и приговаривала себе под нос:

— Если утром так, то в обед — вот так; если вечером так, то в обед — вот так...

— Ты прямо как колдунья! — засмеялся, глядя па нее, мальчишка и передразнил.— Если так, то — так! Если этак — то вот этак!..

— Туда! — показала Женя.— Там деревня! Это меня папа научил по солнцу дорогу находить. Утром солнце нам было в затылок. Теперь — время обеду быть, значит...

—...солнце в правое ухо! — сообразил мальчишка.— О-обед? — испугался он.— Ох и достанется мне на орехи!

В ограду он даже не зашел.

Женя выволокла его этюдник, быстро сорвала большой лопух, ловко высыпала в него, как в кулек, ягоды из обеих кружек.

— Гостинец твоим маме и папе! — подала мальчишке.

Тогда и он не растерялся и подарил ей рисунок, где она — ромашка.

Он уже почти до речки добежал, когда Женя спохватилась, бросилась следом, догнала его:

— Мы же не познакомились! — остановилась, запыхавшись.— Тебя как звать? Меня — Женя!

— У меня в городе был друг Женя,— сказал, вздохнув, мальчишка.

— Да-да-да! — застрекотала Женя.— Мое имя и девчоночье, и мальчишье! А тебя как звать?

— А-а-а,— поморщился мальчишка.— Смешно, вот как. Все смеются... Потом привыкают, а сперва смеются. Понимаешь,— объяснял Жене, как взрослый,— мода была на старинные имена, вот и... Антипом меня звать, вот как...

— Как? — не поняла Женя.

— Ан-тип! — сказал решительно и отвернулся.

У Жени даже щеки надулись, так ей стало смешно, она еле сдерживалась.

— Да ладно,— махнул он рукой,— смейся! А то щеки лопнут! — И сам первый захохотал, беззаботно, необидчиво. Они стояли на берегу речки и хохотали. Так что вороны проснулись, посмотрели на них с вершины сосны и улетели на всякий случай подальше, на другую сосну, где потише.

Как приходит ночь...

Вечером, когда пришли с работы папа и мама, Женя объявила им, что ей очень захотелось порисовать.

Мама достала из шкафа новую коробочку карандашей и альбом.

Папа подточил старательно и аккуратно все двадцать разноцветных карандашей, и Женя села на крыльцо.

Сперва она рисовала речку, которую было хорошо видно с их крыльца. Потом пришла из стада Марея, и Женя стала рисовать свою любимицу. Рисовала, рисовала.

— Ну и каракатица! — сама же засмеялась.— Папа, посмотри, какое я чудище с рогами нарисовала вместо нашей красавицы Мареюшки!

— Да нет, ничего, похоже! — подбодрил дочку папа.

— Ой, только этого не надо! — почему-то рассердилась мама. Не надо подслащивать! Пусть Женька с детства

знает, что ей удается, а что — нет! А это чей рисунок? — мама с удивлением рассматривала листок, подаренный ей Антипом.— Женьк, кто это рисовал?

— Как интересно,— засмеялся и папа, рассматривая рисунок,— вылитая Женька! Вечно на одной ножке, тощая, волосенки всклокоченные, и правда что — лепестки! Ах ты наша ромашка! — обнял он дочку.— Кто это тебя так разглядел?

— Да Ан-тип! — улыбнулась Женя, вспомнив, как они познакомились и как хохотали на берегу над этим именем.

— Антип? — вместе спросили мама и папа.— И когда это вы успели познакомиться?

— Сегодня. А вы тоже его знаете? — удивилась Женя.

— Как же не знать,— сказал папа.— Это же нашего нового директора сынок. Между прочим, кажется, нам повезло — крепкий мужик! — сказал он уже маме.

— И Наташа мне нравится. Наталья Сергеевна,— вздохнула мама.— Я с ней подружилась. Вернее, она со мной...

— Еще бы! — засмеялся папа.— Как же ей с тобой не дружить! По всему видать, франтиха! Кто же ей будет наряды шить!

— Да нет, не только поэтому,— сухо сказала мама.— Нам с ней есть о чем поговорить. Наташа — человек образованный, начитанный... Театр хорошо знает...

И папа с мамой замолчали на весь вечер...

Женя уже знала: как только мама заговорит о театре, так это слово, будто оно злое волшебное заклинание, тут же разводит маму и папу в разные стороны. Или даже если они и остаются в одной комнате или в ограде, все равно будто закрываются друг от друга каждый в своем невидимом домике.

Вот и сейчас папа ушел в дом. Наверно, взял газету, сел в кресло у окна.

А мама пошла за огороды, к речке.

Женя только еще решала, идти с ней или в дом к папе, как услышала:

— Женька, не ходи за мной! Я хочу одна погулять!

И Женя, обидевшись, пошла к папе. Но он лежал на диване, лицом к стене и даже не повернулся, когда вошла дочка, будто не слышал.

Тогда Женя взяла кусочек хлеба и пошла к корове Марeюшке. Корова тоже улеглась уже посреди загона, устала за день. Но увидев Женю, встала неуклюже и обрадованно, вздохнула шумно и торопливо слизнула с ладони хлеб, обмусолив всю руку большим своим, теплым, ласковым языком.

И стояла и смотрела на Женю непонимающими глазами: ну, что, мол, не уходишь? Иди, иди, мне отдыхать пора.

Женя не уходила, поглаживала ее крупную морду загорелыми руками. Корова еще раз вздохнула и стала укладываться, отвернувшись от юной своей хозяйки.

Тогда и Женя спустилась на прогретую за день солому, прижалась спиной к теплому, большому, как русская печь, коровьему боку.

Смеркалось. Летняя ночь надвигалась на деревню, и та утихомиривалась постепенно, укладывалась на короткий ночлег, тоже шумно вздыхая, как корова Марея.

Жене казалось, что она слышит, как засыпает далеко на горке лес. Как посапывает сонная речка за огородами, укрытая светлым туманом. Замолчали и куры, и овцы, и козы, и их хозяева. Наверно, и все собаки во дворах положили на лапы свои мордочки и тоже дремлют, чутко пошевеливая ушами.

Та сторона неба, куда смотрела Женя, превратилась в темную тучу. Туча эта поползла, поползла, угрюмая, большая, собираясь укрыть своей тьмой все вокруг. Будто бы свет на другой стороне неба мешал ей спать.

Женя смотрела на небо, прислушивалась к ночи и ду-

5 Заказ 544

мала о том, как ей хорошо вот так сидеть — на теплой соломе, у теплого бока коровы Мареи. Глаза ее сами собой закрылись, и она, зарывшись носом в мягкую коровью шерстку, как в подушку, тоже уснула...

— Женя! Ты почему здесь? — подняла мама Женю на руки.— А если бы она вздумала встать или на другой бок повернуться? Раздавила бы тебя!

— Не раздавила бы,— прижимаясь к влажному, прохладному платью мамы, прошептала Женя.— Мареюшка наша — толковая...

Нарисуй вот это...

Летом трудно засыпать вовремя: долго светло, даже после заката. И Жене часто разрешали поиграть с ребятишками в мяч на поляне за огородами или посидеть на крылечке с книжкой, пока буквы видно. Читать она еще до школы научилась.

Но как бы поздно она ни ложилась, утром все равно вставала до солнышка. Как встанет до солнышка, так весь длинный-предлинный день всем помогает, помогает.

Сперва, конечно, папе — корову доить. Потом маме — все в доме прибрать. Мама любит, чтоб всегда было всюду чисто: и в комнатах, и на кухне, и в сенях, и в огороде. «В доме чисто, так и настроение хорошее»,— говорит часто мама. А у мамы хорошее настроение,— значит, и у них, у Жени с папой, тоже. Вот Женя и старается.

Любит она и в огороде поработать: грядки прополоть, огурцы полить, просто так походить по дорожкам, поговорить с огородными жителями. С подсолнухами рыжими, с луком, который уж скоро до пояса ей вымахает; с горохом — что, мол, не наливаешься долго, плющатки тоненькие развесил...

А еще иногда помогает бабушке Дуне коз ее пасти за огородами. Козы такие непослушные, все норовят по-

дальше куда-нибудь забрести. Вот Женя и бегает за ними, помогает собрать в кучу озорных козлят...

Целый день всем помогает-помогает... Ей нравится.

Она и Антипу стала помогать — с первого дня их знакомства. Так уж получилось.

В городе Антип учился в художественной школе. А когда в село переехали, он стал учиться в той школе заочно. Выполнит задание, нарисует что-нибудь и посылает учителю. А учитель в письме все свои замечания напишет, оценку поставит и новое задание пришлет.

Вот раз пришел Антип к ним с этюдником через плечо. А была уже середина сентября. И было в тот день воскресенье. Вся деревня картошку в огородах копала. И Женя с мамой и папой тоже копали.

День стоял ясный, теплый. Небо сияло, как если бы его специально к этому дню почистили.

Лес еще красивей, чем летом, стал, будто все деревья расцвели.

А посреди огорода растет да растет гора крупной, желтобокой и краснобокой картошки. Вкусно пахнет осенней землей, подсыхающей картофельной ботвой, дымком от костра, в котором папа печет картошку.

И кругом, на чей огород ни посмотришь, на черной земле горки яркой, сухой да чистой картошки.

«Самое хорошее воскресенье!» — думает Женя, проворно выбирая крупные клубни из рыхлой, уже прохладной земли.

— Женька! Надень перчатки! — ворчит мама, жалеет руки дочери, все в земле, с изломанными ноготками.

— Не-ка! — смеется Женя.— Не надену! Я люблю землю руками трогать! Вот так вот в ней рыться, вот так! — запускает она свои руки глубоко в гнездо — радостно находить там спрятавшиеся картофелины.— Папа тоже без перчаток!

— Папа — мужчина! А у девочки руки должны быть всегда чистенькие, ухоженные!

— Отмоемся! — смеется папа. — Пускай работает, как ей нравится! — И подмигивает дочке одобрительно.

— Десятое! — высыпала Женя свое небольшое ведерко в общую кучу.— Папа! Я уже десять ведер накопала!

В этот-то момент и пришел к ним Антип. Он давно приходил к ним, как домой. Потому что не только они с Женей подружились, но и их родители. В Дом культуры всегда вместе ходили на концерты или в кино. Праздники вместе встречали.

— Здравствуйте! — сказал Антип.— Картошку копаете? Хороший у вас урожай!

— Здравствуй, юное дарование! — встретила Антипа мама.

— Привет! — сказал папа.— Опять со своей бандурой? Опять задание?

— Опять,— вздохнул Антип и снял с плеча тяжелый деревянный ящик на широком ремне.— Да еще какое! Велел Федор Климентьевич осень нарисовать...

— О-о-о! — засмеялась мама.— Что же тут трудного? Смотри да рисуй! — И она загляделась на цветущий по-осеннему лес.

— Да не велел Федор Климентьевич лес рисовать,— надулся недовольный заданием Антип.— Рисовано-перерисовано... Поискать, говорит, надо... чтоб не как у всех.— И, увидев черные ладошки Жени, радостно предложил: — А давайте я тоже помогать вам буду! Я умею!

— Нет уж,— остановила его мама.— У тебя задание...

— Тебе рисовать надо, а не картошку копать! — засмеялась, жалея друга, Женя. А потом посмотрела в даль огорода и мечтательно сказала: — Эх, кабы знать, что такое вёдро с неделю простоит, я бы без мамы и папы управилась! Так люблю копать картошку! Каждое бы гнездышко сама выкопала! Никому бы не дала!

— Ну ты, Женька, и жадная до работы! — похвалил папа.

— Ага! — согласилась Женя.— Я до работы жадная!

— Погоди! — усмехнулась мама.— Вот в четвертом классе на совхозное поле пошлют — наработаешься. И в дождь, и в слякоть...

— Ну и что? — весело взглянула Женя на Антипа. Они учились в разных школах: Женя в своей деревне, Антип — на центральной усадьбе. А с четвертого класса все на центральной усадьбе учатся. Женя с Антипом давно договорились на одной парте сидеть. «Дождаться бы поскорее,— вздохнула Женя.— Еще только второй начинается...»

Она засмотрелась на полупустой уже огород, и вдруг ее осенило:

— Антип! А ты нарисуй вот это! — показала на гору картошки.

Каждая картофелина поблескивала на солнце спелыми золотисто-розовыми налитыми боками.

— А что? — сказала мама и как-то по-особому, задумчиво посмотрела на дочь.— Это хорошая мысль...

Так и появилась у Антипа работа, за которую он получил у своего строгого учителя рисования пять с плюсом.

А Женя с тех пор стала помогать ему придумывать этюды. Она смотрела теперь на все вокруг так, будто ей самой надо было что-то нарисовать. Эх, если бы она умела! Но зато умел Антип.

И Женя вела его, например, в лес и показывала: смотри! Антип смотрел и ничего особенного поначалу не видел: лес да и лес...

— Во-он сосна, большая, взрослая, видишь? На краю полянки, видишь? А на самой полянке две сосенки-девчонки, ведь похожи они на девчонок, правда?

— Ну и что? — бубнил Антип.— Много кругом и больших, и маленьких сосенок...

— Эх, ты! — удивлялась Женя его недогадливости.— Это же мама,— показывала на взрослую сосну.— А это ее дочки. «Дочки! — говорит им сосна-мама. — Далеко не уходите! Заблудитесь!»

И уговаривала друга:

— Нарисуй это, а? И подпиши: «Дочки, далеко не уходите!»

И Антип сдавался, рисовал. А Женя смотрела, смотрела, стоя за его спиной. Как это у него так получается? Особенно не удавалось ей никак поймать тот миг, когда у него вода на картоне оживала, если он речку, например, рисовал. Мажет, мажет, а потом вдруг — раз! — кистью, еще — раз, и вода запосверкивает на солнышке, зарябит, будто ветерок по ней пройдется.

— Женя,— сказала однажды мама, глядя, как Антип торопится засветло добежать до дома, то и дело поддергивая на плече ремень тяжелого этюдника.— Ты думаешь, наверно, что помогаешь Антипу. А ведь ты, наоборот, мешаешь ему учиться-то.

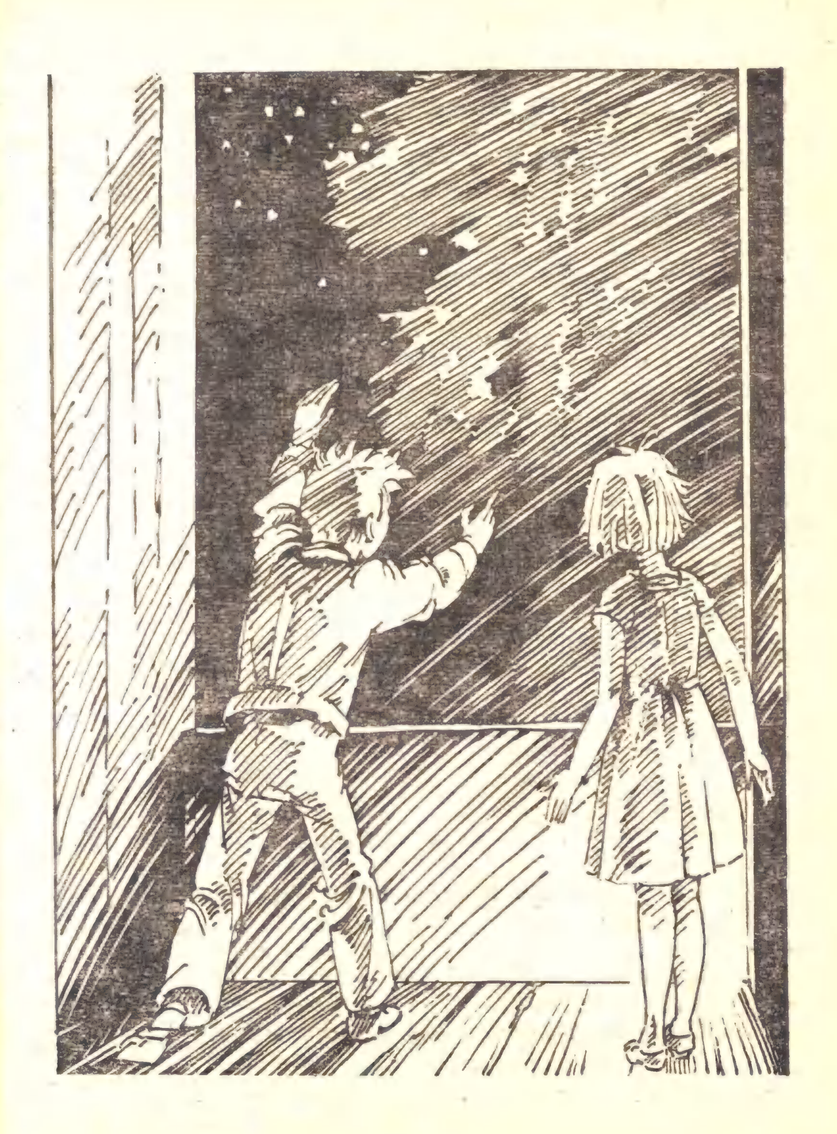
— Как это? Почему? — растерялась Женя. — Как это — мешаю?

— А так: получается, что он по твоей подсказке рисует. А сам ничего не видит...

— Как это, как это — не видит? Я ему только названия помогаю придумывать, а рисует-то он сам! Я же не умею!

— Зато умеешь видеть... А это, может, главное в таком деле. У нас в театре была одна женщина, модельер. Фантазии у нее — ну никакой... Руки золотые, а воображения никакого... Так и пришлось ей в ателье уйти...

Опять о своем театре... Женя не любила, когда мама вспоминала, как она работала швеей в театре. Давно это

было, еще, наверно, когда Жени на свете не было, а мама все никак не может забыть. Настроение у нее сразу портится...

— А что он будет без тебя делать? — засмеялась мама.

— Без меня? — притихла Женя, задумалась.— Почему без меня? Мы ведь скоро в одном классе с ним учиться будем...

— Все в жизни бывает,— вздохнула мама, и глаза ее стали печальными. Женя обняла мамину руку, прижалась к ней головой, и они так стояли молча и смотрели, как все дальше и дальше уходит по берегу Антип. А Жене вдруг представилось, что он навсегда уходит, что они никогда-никогда больше не увидятся. И глаза ее наполнились слезами.

Недавно она прочитала книжку про казарку, которая отстала от своей стаи, потеряла друга. Как ей было одиноко, сколько натерпелась она бед... Женя читала про несчастную птицу и плакала.

— Мама, они опять в город уедут? — спросила она и задохнулась от горя.

— Что с тобой, Женька? — обняла ее за плечи мама.— Да нет! Куда же они уедут? Ведь папа Антипа — директор совхоза, кто же его отпустит?

И Женя сразу повеселела и запрыгала впереди мамы на одной ножке.

А солнце уже склонялось к горке. Теперь оно не доходило до большой сосны, за которой пряталось летом, а едва-едва до горки добредало и торопливо опускалось за нее. Осень.

— Мам, ты иди, а я здесь побуду — Марейшку подожду, скоро ведь стадо пригонят. И может, папа опять поздно с полей приедет, вот я сама и подою ее опять!

— Радости-то! — усмехнулась мама и одна пошла к огородам, к дому.

А Женя села на берегу речки и стала смотреть, как по

ней плывут разноцветные листья. Быстро проплывают, березовые, осиновые.

Речка, заметила Женя, осенью почему-то очень торопится. Летом медленно течет, лениво. И будто улыбается и небу, и людям ясным, гладким своим лицом. А осенью все морщится, холодно, видно, ей. Морщится, хмурится, никого будто не видит, не привечает. И все торопится, торопится, убегает за поворот, за лес. Потом снова показывается далеко-далеко, у самого неба, между двумя синими горками. Там будто в самое небо и впадает...

Пока смотрела Женя вдаль, тут, из-за близкого пригорка, коровы огромными пестрыми пятнами рассыпались, растеклись привольно.

Пастуху домой не терпелось, гнал их, голос его раздавался на всю деревню, а коровы не слушались, жадно хватали пожухлую осеннюю траву.

«Не наелись,— печально, по-взрослому жалела коров Женя.— Где теперь наешься — отошла пора. Надо будет дать Мареюшке морковной ботвы...»

Матреюшка знала, что дома ее всегда ждет лакомство, и издалека примечала свою хозяюшку. Проворно, обогнав, опередив своих товарок, первой ступила она на мостик. И торопилась к Жене, мотая в такт тяжелому шагу большой рогатой головой. И не спускала с Жени глаз.

У Жени не оказалось в карманах ни крошечки хлебца, и она, как только увидела стадо, нарвала пучок нежной отавы — не с пустыми же руками встречать любимицу.

— Пойдем, Мареюшка, домой, пойдем,— гладила она корову, прижималась лицом к ее морде.— Я тебя угощу морковной ботвой, свекольными листочками.

Вымя у коровы было чистое — сухая стояла осень. Но Женя все равно вымыла его теплой водой, протерла чистым полотенцем, смазала соски сметаной. И села с подойником на низенькую табуреточку.

От коровы пахло свежим лесным ветром, парным молоком и ее, коровьим, добрым теплом.

Начинала Женя доить с дальних сосков, как папа. Он всегда учил ее в любой работе делать сперва то, что потруднее.

Руки быстро-быстро и уже довольно ловко заходили над подойником. Молочные струйки ударялись о его дно, о стенки. Наверно, Женя уже по-настоящему научилась доить, потому что Мареюшка больше не оглядывалась, как раньше, не переступала с ноги на ногу, не хлестала сердито хвостом, а стояла спокойно, терпеливо, как положено.

Руки уставали, особенно большие пальцы. Тогда Женя опускала ладони, встряхивала — давала рукам отдых. И опять: чирк-чирк, чирк-чирк.

Пока на один круг подоила, раза три отдыхала. А по другому-то кругу совсем нелегко: молока оставалось — всего ничего. А руки уже плохо слушались, пальцы будто чужие, ничего не чувствуют. Дай сейчас карандаш — не удержат.

Спину ломило, пот заливал глаза.

— Ух! Все, Мареюшка, все, моя матушка!

Корова будто только этих слов и ждала — шагнула вперед, потом в сторону и улеглась под крышей, не дала даже вымя протереть после дойки, тоже устала.

Молоко цедила мама. Цедила, удивлялась:

— Надо же! Научилась ты, Женька! А я никак не могу! — будто оправдывалась она перед дочерью.

— С детства всему учиться надо,— папиным голосом успокоила ее Женя.

— Правда, это правда. Вот мама научила меня с детства шить да вязать, так уж тут я — с закрытыми глазами могу. А доить — ну никак...

— А зачем? Раз я умею, зачем тебе? — ревниво даже оберегала Женя свое право доить корову.— А ты вяжи-

ка сиди! Папе свитер вяжи. Вон какой нарядный получается! Еще красивше, чем у меня...

— Красивее, дочка, следи за речью,— поправила мама.

— Тебе беречь надо твои золотые ручки, мамочка! — не замечала Женя, что часто говорит папиными словами.— А то будут, как у меня!

И она с гордостью показала маме свои покрупневшие, с разбухшими, словно распаренными пальцами, руки.

— Ох, Женька, Женька! Крестьянская ты душа! — засмеялась мама и вмиг опечалилась.

— Ты что, мам? Ну что? — очень не любила Женя, когда мама вот так замолкала. Как будто уходила куда-то, пряталась от них с папой. Здесь она, молоко цедит,— и нет ее рядом.

— Вырастешь — не простишь мне,— сказала мама уж совсем непонятное.— Да еще если и вправду в доярки надумаешь...

— Конечно, в доярки! — удивилась Женя.— Это же моя мечта!

— Ну-ну, мечта так мечта,— вздохнула мама.— Ничего ты еще не понимаешь, Женька! Посмотрела бы, как они работают, доярки-то. Это ведь в телевизоре новые фермы показывают. А у нас-то еще — все по старинке: грязь да холод...

— Ничего не грязь! — возразила Женя.— Чисто там, тепло... И зимой тепло. Они как приходят, доярки, так сразу одна тетя Тамара самовар огромный включает! А другая тетя Тамара коров начинает впускать. Пока коровы по местам расходятся, самовар уже кипит! Они к нему шланг с краником, чтоб не таскать воду ведрами. И пошла работа! А скоро, тети Тамары говорят, и у нас новые фермы построят...

— Какие тети Тамары? Ты что, бегаешь на ферму?

Женя кивнула виновато.

— Да, я давно помогаю тетям Тамарам. Они вдвоем

работают на ферме, и им трудно,— и она засмеялась, вспомнив про корову, которую зовут Директорша.

— Ой, мама, там есть одна корова — ее Директорша прозвали. Ну, она такая задавака! Все коровы в очереди стоят — ждут, когда их впустят на ферму-то. Они все поскорее хотят попасть туда, чтоб полакомиться из кормушек. Но ждут. А эта, Директорша-то, всех рогами растолкает и — вот она я! Всегда первая! А молока-то у нее — всего ничего!.. Мам, а я ведь уже и аппаратом умею доить, вот! Меня тети Тамары научили! Это совсем нетрудно! Только надо следить, чтоб эта, как ее, пуль-са-ци-я была правильная: не тук-тук-тук, а тук-тук, тук-тук... Вот так вот аппарат подключишь, потом вакуум откроешь, и все!

— Ну, наш пострел везде поспел! — покачала головой мама.— А папа знает?

— Конечно!

— Папа знает, а от меня скрываете,— обиделась мама.

— А вдруг бы ты не разрешила на ферму ходить! А я люблю всем помогать! А в четвертом классе, нам сказали, уже будем на новую ферму ходить, кто мечтает в доярки. Ну, мне и на старой нравится! Особенно люблю кормить. Вот так вот ручку повернуть в стойле-то, а каша сама в кормушку ползет. Коровы так рады! Уж которой выходить пора, уже подоили ее, а она — ну никак не хочет место другой корове освободить. Тогда другая-то корова, чья очередь-то, как толкнет ее рогами: иди-ка, мол, в вагон! Мое время пришло полакомиться! Смотреть на них — смех просто!

Так вот и жила Женя, радуясь каждому новому дню. Да и как не радоваться? Есть у нее мама и папа. Есть любимая корова Мареюшка. Есть бабушка Дуня, как будто что родная ее бабушка. Есть две добрые тети Тамары, научившие Женю такому нелегкому и нужному делу.

Есть друг Антип. Есть школа и свой класс. И хорошая-прехорошая учительница Анфиса Петровна. Есть лес. Есть речка. Есть огород. Есть интересные книжки, и дома, и в школе, и в совхозной библиотеке. Все есть! Живи да радуйся!

Яблоки на осине

Речка к концу этого засушливого лета совсем обмелела, и Женя, сбросив кроссовки, смело шагнула с берега, истоптанного сотнями коровьих копыт — сюда в последнее время гоняли на водопой совхозное стадо.

Вода была такая теплая да ласковая, что Женя, прежде чем перейти на другой берег, побродила по скользким гладким камешкам, вспугивая стайки малявок, беспечно веселящихся в солнечных струях.

Речка печально смотрела в белесое небо и молчала о чем-то своем, потаенном. Жене так казалось, потому что она тоже грустила сегодня с самого утра. Потому и в лес пошла, управившись с домашними делами. Одна пошла. Маме сказала, что с девчонками, по грибы, по ягоды последние. Костяника еще кое-где должна быть, черника, брусника. А сама — одна пошла. И не по грибы-ягоды, а просто так, побродить, подумать.

Смешная мама — чего в лесу бояться? Особенно вот в этом, за речкой-то, у самой деревни. Да Женя здесь каждую тропинку знает. А если и закружит ее, так солнце всегда поможет, папа давным-давно научил ее выходить по солнцу хоть из какого уголка леса.

Смешная мама. Уж сколько лет в деревне живет, а всего боится. Коров боится, собак, леса боится. Как пойдет на покос или за ягодами, так от папы ни на шаг.

А чего здесь бояться? В лесу столько разных деревьев. И все будто живые. Вон березка улыбается из-под зеленых косичек. Вон сосна помахивает лапой, зовет к се-

бе. Даже старуха-лиственница, наполовину уже высохшая, без единой хвоинки, завидя Женю, проскрипела хрипло:

— Здррравствуй! Здррравствуй!..

Женя бегом взбежала на горушку. Она всегда на любую горку — пулей! Чем круче горка, тем интереснее на нее бегом. Остановилась отдышаться и ахнула: прямо у дороги стоял и смотрел на нее куст черники, так густо обсыпанный крупными переспелыми ягодами, даже листочков не видно.

Женя присела перед ним, опустилась на мягкую травяную подушку, потянулась к ягоде. Мммм... вкусно-то! И давай прямо с куста губами собирать сочные ягоды. «Будто я — овечка... или коза... Нет, телушка».

— Мму-у! — сказала она вслух и чуть поодаль увидела еще такой же куст черники.

И слева, и справа! Целый остров. Вот всегда так: ягодники норовят подальше, подальше в лес, туда, где не ступала еще ничья нога. И проходят мимо вот таких местечек. Вот и сохраняется ягода до осени у самой деревни.

«Хорошо, что пошла я сегодня в лес,— подумала Женя.— Наемся черники!» Печали ее как не бывало. Знакомо и радушно пахло землей. Глотая сладкие прохладные ягоды, Женя сквозь узор мелких, уже покрасневших черничных листочков наблюдала, как неутомимо и деловито снуют по траве муравьишки, не обращая на гостью никакого внимания: мол, не боимся тебя, своя, знакомая...

И дятел ее не боялся — стучал да стучал, ползая по стволу старой лиственницы, вниз-вверх, вниз-вверх.

Женя последила за дятликом: как он неутомим да трудолюбив! И вдруг что-то необычное привлекло ее внимание. Да, это та самая осинка. Она ее хорошо знает: осинка эта всегда здесь стоит, рядом с лиственницей. Идешь

мимо, повернешь голову и будто в окно лесное заглянешь, светло-зеленой шторой занавешенное. Не дерево будто эта осинка, а свет особый, лесной, как в сказке.

А сейчас не узнает Женя осинки — на другое дерево она похожа. «А-а-а,— догадалась девочка.— На яблоньку осинка сейчас похожа. Каждый листок стал круглый да красный, как созревшее яблочко... Вот чудеса! — не могла налюбоваться Женя.— На осинке яблочки созрели! Надо будет показать Антипу...»

И как только подумала про него, так стало ей опять грустно, одиноко. И немножко перед ним стыдно. Сейчас вот, в эти минуты, решается его судьба, а она ягодами наслаждается.

Утром, когда она провожала корову в стадо, Антип нарочно прибегал к ней, чтоб сказать, как большой секрет:

— Сегодня уж точно! Все решится! Сам Иван Тимофеевич сказал! После обеда! Приходи в школу болеть за меня! Придешь?

— Не знаю! — пожала она плечами.— Работы много.

И чтобы он не увидел навернувшихся на глаза слез, заторопилась домой. Шла прямиком, огородами и ничего не видела от обиды. А на кого обида? За что?

— Приходи, Жень! — крикнул ей вслед Антип.— Поглядишь, как я в суффиксах-префиксах барахтаться буду! — добавил весело.

Женя не обернулась.

И в лес нарочно ушла, чтобы не тянуло ее в школу — болеть за Антипа. А сейчас в лесу стыдно стало. Хотя обида не проходила. Ну зачем он это выдумал: через четвертый класс сразу в пятый перешагнуть? Конечно, по математике он просто — вун-дер-кинд! — как любит говорить его мама, Наталья Сергеевна. Если по-честному: Антип и правда все на свете знает. Ровесники они, а Женя к нему с любым вопросом. Даже папа иногда не знает

того, что знает Антип. Мама у него учительница. Книг у них — на всех стенах, как в библиотеке. Книги да журналы, толстые, тоненькие, на столах, на диване, на полу. И Антип читает, читает. Не читает — глотает. И главное: что ни прочитает, все и запомнил. «Ходячая энциклопедия» — вот как его прозвали в школе. А он еще и рисовать успевает.

Вот Антип и надумал целый класс перешагнуть. Если, говорит, получится, то потом и еще один класс перескачу. В седьмом, говорят, программа полегче. В пятом да шестом поучусь, а через седьмой опять перешагну. А там два года, и школа позади! А там — в художественное училище! А там в такую школу, где на космонавтов учат!

Космическим художником стать мечтает Антип. Вот как! Художником-космонавтом! А хотели на одной парте сидеть... Улетит на свою звезду и забудет, как она, Женя, во всем ему помогала.

Недавно засиделись они у Жени дома допоздна. Она ему трудные слова диктовала, даже язык устал от слов этих разных.

А потом вышли они на крылечко, и Антип как запнулся, прирос к половицам. Женя повернулась в ту сторону, куда, не отрываясь, смотрел Антип. Вдали, на пригорке, жила огромная вековая сосна. Днем ее и не разглядишь, сливалась она с лесом. А вечером лес будто отдаляется от нее, отодвигается и сосна становится хорошо видной. Какая она косматая, страшная!

— Баба Яга! — прошептал Антип.— Я так вижу! Женька, сам увидел! Без твоей подсказки! — И он засмеялся счастливо.

Женя вгляделась в сосну: правда, похожа. Как в сказке все.

Лес вдали зубцами темными. Речка, как змея, пошевеливается, ползет-шуршит. Звезды на небе крупные, яркие. И Баба Яга посреди поляны, как хозяйка, осматри-

6 Заказ 544

вает свои владения. Глаза ее колюче посверкивают. Две звездочки запутались в ветвях сосны — вот и показались на миг глазами старой колдуньи.

— Страшно,— включилась Женя в игру.

— Побежали! — схватил ее за руку Антип.

— Куда?

— Вон на ту звезду! Побежали!

— Нет,— засмеялась Женя.— Это уж ты беги, а я с Земли — никуда!

— И убегу! — расхрабрился Антип.— Если, конечно, запомню, как «винегрет» пишется!

И они смеялись, смеялись... Им почему-то все в тот вечер смешным казалось.

...Сейчас, в эти минуты, Антип, наверно, уже за партой сидит, отвечать готовится. А она...: предательница...

И Женя, торопясь, нарвала букетик черничных веточек с крупными ягодами и побежала вниз под горку, к речке, к огородам, и на ту тропинку, что на центральную усадьбу ведет.

Как ни торопилась, все равно опоздала.

На школьном крыльце стояли учительница русского языка старших классов Мария Павловна и директор Иван Тимофеевич. Стояли и, заслонив ладонями от низкого вечернего солнца глаза, смотрели вслед Антипу, печально улыбаясь.

А он то подпрыгнет, то побежит, то попляшет на месте.

— Как козленок взбрыкивает,— вздохнула Мария Павловна. — Радешенек, — услышала Женя, подойдя к школе.

— Еще бы! — откликнулся Иван Тимофеевич.— Упорно идет к своей мечте! Удивительный мальчуган!

— Самородок... Вун-дер-кинд...

— Ну, положим, если бы с каждым ребенком занимались так, как с ним...

— Именно такие дети и должны приходить в школу с шести лет...

И Женя поняла: Антип перешел в свой пятый класс. От волнения она начала объедать ягоды с черничных веточек.

— Вот наши дети,— сказала Мария Павловна.— Кем хочешь быть? Художником-космонавтом! Видали? Люди двадцать первого века.

— Да-а,— со странной грустью откликнулся директор.— А вот лично я был бы счастлив, если бы услышал иное: хочу, например, стать агрономом...

Стоя у калитки, Женя вскинула руку, будто отвечать собралась.

— Ты что, Женя? — увидел ее Иван Тимофеевич.— Ты что-то хочешь сказать? Иди поближе.

— Да,— вспыхнула Женя.— Я хочу сказать... что... Я... у меня тоже есть мечта, как у Антипа...

— Ага,— усмехнулся директор.— Еще один космонавт!

— Нет! Что вы! Моя мечта... Я буду дояркой!

— Ты? — всплеснула руками Мария Павловна.— Такая девочка, отличница, с таким чутьем к языку... Надо будет поговорить с твоей мамой...

— Лучше с папой! — выкрикнула Женя.

— Ах ты — умница! Вот порадовала! — обнял Женю директор школы, как папа, и поцеловал ее в перепачканные черникой щеки.

А Женя от этой ласки неожиданно для себя расплакалась.

— Ты о чем, девочка? Кто тебя обидел? — спросил Иван Тимофеевич, заглядывая в ее глаза.

— А я знаю, о чем,— лукаво засмеялась Мария Павловна.— Женя плачет, потому что Антип ее обогнал сегодня. А они, наверно, собирались за одной партой сидеть. Так?

— Да,— созналась Женя.

— Ничего,— серьезно сказал Иван Тимофеевич.— Это даже лучше, что он обогнал тебя — меньше ссориться будете...

— А мы не ссоримся! Никогда-никогда! — похвастала Женя.

И в тот же вечер они поссорились. Впервые. Да так! Ну просто чуть не навсегда!

Антип ждал ее у речки: знал, что Женя придет встречать корову Марeюшку.

— Жень,— радостно сказал он.— Почему не пришла? А я сдал! И русский, и математику на пять!

Женя молчала. Весь день ей казалось, что он не просто обгоняет ее на класс, а куда-то уходит, уезжает насовсем. Может, на свою звезду... И она молчала, чтобы не расплакаться.

— В диктанте были все слова, которые мы с тобой по сто раз писали: «винегрет, вестибюль, гастроном, директор...» Я их теперь, наверно, разбуди меня ночью, правильно напишу! А ты не пришла. Где была?

— Нигде,— равнодушно отозвалась Женя.— В лесу... Ей опять стало стыдно, и она объяснила:

— Нарвала черники, кустиками... хотела тебе...

— Да сама и съела! — засмеялся Антип.— Вон губы-то черные!

— Я нечаянно! — повеселела и Женя.— Бежим! — вспомнила она об осинке.— Я тебе что-то покажу! Еще успеем до коров! Побежали!

— Что покажешь? — нахмурился вдруг Антип.— Что? — повторил он сердито.— Опять? Сколько раз тебе говорил! Опять подсказываешь? Я хочу своими глазами, сам, сам все видеть!

— Ты и так уже увидел...

— Шшто я увидел, шшто? Все по твоей подсказке нарисовал!

— Ну один иди,— растерялась Женя: никогда не видела друга таким сердитым.— Один или... И сам увидишь... Там осинка... А на ней листочки, как созревшие яблочки...

— Яблочки на осинке... листочки,— передразнил ее Антип.— Не понимаешь, так не говори!

— Зато я другое понимаю,— возразила Женя.

— Коров-то, что ли, своих доить? — презрительно спросил Антип.

— Да... и вручную, и аппаратом,— сказала Женя.

— Вот и иди к своим коровам, а мне не мешай! Не мешай! — закричал он.

Но Женя уже не слышала, что он кричал ей вслед. Она бежала навстречу стаду, будто за ней гнались, ее преследовали.

Остановилась у той сосны, которую Антип недавно назвал Бабой Ягой, потрогала жесткую неровную кору, погладила деревянный бок, спросила:

— Что я ему сделала? Что?

Горькой обидой хлынули будто из самого сердца слезы. Женя прижалась к корявому стволу, плечи ее вздрагивали. Кто-то тронул ее за плечо чем-то влажным. Оглянулась, и Мареюшка лизнула Женю прямо в соленую от слез щеку.

Корова с укором смотрела на хозяйку, словно говорила: «Ищу тебя, ищу, а ты вот где... Пойдем-ка домой! Да не плачь, не плачь! На днях тебе в школу идти, в четвертый класс, а ты разревелась, как маленькая...»

«В шшшколу,— прошептала, вздохнув, старая сосна.— Хорошшшо!..»

Женя подставила лицо ветерку, чтоб он осушил, освежил зареванные ее глаза, поплелась следом за коровой Мареюшкой домой. «Не забуду, никогда ему этого не забуду,— думала об Антипе.— За что он меня так? За

что? — И опять видела сердитое его лицо.— Никогда не забуду...»

Но пока шла к огородам, к домам деревни, другие, добрые, мысли приходили: «А может, я сама виновата. Ведь он сколько раз говорил мне: не помогай! Учитель не велит. Самому надо находить, что рисовать... Самому называть рисунки. А я все ему подсказываю, подсказываю... И сегодня «болеть» за него не пошла... И всю чернику сама съела, даже ни ягодки не оставила...» Теперь Женя уже себя во всем обвиняла, а друга оправдывала. И вдруг опять словно услышала его злой голос: «Ну и иди к своим коровам!» Нет, такое трудно простить, трудно забыть...

И в холод, и в слякоть

Когда они с папой доили в тот вечер корову, Женя рассказала ему обо всем случившемся.

— Не может быть! — удивился папа.— Что это на него нашло? Может, перенервничал он с этой своей затеей — с экзаменами? Думаешь, это просто — через класс перемахнуть?

— Я же ему помогала! — с отчаянием сказала Женя.— За что он меня так?

— Обидел-то? Так ведь люди, дочка, обычно и обижают самых своих близких...

— Как это? — спросила Женя.— Разве ты мог бы обидеть меня или маму?

— Так ведь это невзначай делается! Иногда из-за своей обиды не замечаешь, как другого обидишь, и чаще самого близкого!..

— А он, Антип, взначай обидел,— строго сказала Женя.

— Он-то? Зазнался, видно, маленько. Все: вундеркинд, вундеркинд — вот и... Да и папа с мамой у него —

люди общественные, не до сына им иногда, вот и... А так Антип — парень неплохой, ты бы забыла горячку-то его... Если, конечно, он первый подойдет... Ну, нечего-нечего, помиритесь...

Но Антип не подходил к Жене. Ни на улице, ни в школе. Иногда они носом к носу сталкивались в школьной столовой или в пионерской комнате. Оба отводили в сторону глаза, проходили мимо друг друга.

Когда Женя видела Антипа, ей казалось, что пол покачивается. Но поравнявшись, она так же, как и он, молча шла дальше, будто они никогда не знали друг друга. А пройдя, она даже забывала, какой урок следующий и в какой кабинет ей надо. И все валилось из рук. Не хотелось ни с кем разговаривать. Даже читать было неинтересно.

Хорошо, что в школе организовали кружок юных доярок. Три раза в неделю девочки приходили на ферму. Женя просто из любопытства посещала эти занятия: ферма была новая, все на ней механизировано. Транспортер корма раздает. Молоко само по трубочкам течет в молокосборник. А вот на старой ферме тетям Тамарам надо было самим и корм в бункеры насыпать, и воду нагреть, и ведра с молоком носить, во фляги выливать.

И Женя с новой фермы шла на старую — помогать своим тетям Тамарам. И они радовались, когда она приходила.

— Вот и помощница наша ненаглядная! Уж какая ты, Женюшка, к работе ловенькая! Вся в папу! — хвалила их с папой одна тетя Тамара.

— Да и у мамы руки-то — вон какая она мастерица! — возражала другая тетя Тамара.

А Женя слушала да знай работала. Повернет ручку — сразу три дела: распахиваются обе дверцы, в одну корова выходит подоенная, в другую входит недоенная, а в

кормушку одновременно корм насыпается. Пока тетя Тамара доильный аппарат отключает в другом стойле, Женя очередной коровушке вымя вымоет, протрет да помассирует. Как автомат работает. И забывает обо всем. Не до обиды ей, не до Антипа...

Возвращается с фермы поздно, уставшая. Мама уже обычно спит. А папа ждет ее, ужин разогревает. И смотрит, как дочка ест с аппетитом, разговаривает степенно о коровах-любимицах. Совсем как взрослая.

Женя и правда в такие дни чувствовала себя взрослой, нужной людям. И ссора с Антипом отодвигалась, забывалась...

А потом пришлось забыть и о ферме, и о коровах, потому что все школьники, начиная с четвертого класса, должны были помогать совхозу убирать картошку.

Погода стояла, как всегда в эти дни сентября, теплая, ясная.

Но вдруг нежданно-негаданно пошли дожди, да еще и с мокрым снегом.

А однажды утром выпал настоящий сплошной снег, будто началась зима.

Учеников собралось в школе совсем мало — горстка. И Иван Тимофеевич сказал, хмурясь:

— Старшеклассники сегодня — на капусту. А четвертые-пятые — по домам! Погода установится — наверстаем.

И все обрадовались. Женя, конечно, тоже. Она тут же подумала: «Сбегаю на ферму — так давно не была... Тети Тамары замучались без меня, поди...»

Но когда возвращалась с подружками в свою деревню, увидела вдали одинокую фигурку, шагающую к картофельному полю. Это шел, засунув руки в рукава и подставив холодному ветру упрямую голову, Антип.

Женя приотстала от подружек, потопталась, потопталась и тоже свернула к картофельному полю.

Прямиком, по целику, она скоро догнала Антипа и пошла за ним следом.

Ветер здесь, в поле, был сильнее, чем на лесной тропинке. Ноги скользили по грязи, но Женя шла.

На краю картофельного поля, где для учеников уже были подкопаны рядки, Антип остановился, окинул взглядом необъятное пространство, будто собирался все это убрать один. И склонился над гнездом.

Женя подошла и тоже молча начала работать.

Когда уже между их рядами выросла горка картошки, выбранной ими из-под снега, из-под мокрой холодной земли, Антип спросил:

— Зачем пришла?

— А ты?

— Мне нельзя сидеть дома в такое время! — по-хозяйски осмотрел он поля.

— Потому что ты — сын директора? — спросила Женя.

Она и не думала обидеть его этим, но он посмотрел на нее с таким презрением. А потом отвернулся и сказал — не сказал, будто прошипел:

— Шшшла бы ты домой...

Будто ударил он ее этими словами. И Женя отошла от него подальше, выбрала себе рядок и стала работать одна.

Руки даже сквозь перчатки мерзли, но она не доверяла картофелекопалке и тщательно, как на своем огороде, выбирала из холодной земли все до единого клубня.

Подняла голову, а Антип уже далеко от нее ушагал. Возьмет куст, тряхнет его с силой, сверху соберет картошины, сбросает в кучу — и дальше.

Не утерпела Женя, пошла по его рядку да в каждом гнезде не по одной картошине нашла. Эх, Антип, Антип... чем так работать, лучше совсем... Но ничего не сказала, шла, выбирала да выбирала оставленную им картошку.

«Пробежать по полю — много труда не надо»,— дума-

ла сердито. Она даже ягоду в лесу собирает по порядочку, как с грядки, а не бегает с одного места на другое, не топчет ее да не оставляет людям оборочки. Выберет тщательно, не торопясь, полосочку, дальше передвинется. А то есть такие ягодницы: пробегутся по лесным опушкам, лучшую — спелую да крупную — ягоду оберут, а похуже людям оставят... Неужели и Антип такой? Дома ему работать мало приходится — все книжки читает. Коровы у них нет, вода сама в дом приходит... Не любит он, видно, черной работы. Зачем тогда пошел в поле? Ведь отпустили же. Неужели показаться перед всеми: вот я какой! Герой! Не боюсь ни холода, ни грязи! Думал — все за ним побегут. А похвастаться-то и не перед кем. «Вот ты какой,— печально думала Женя.— Не перед кем показаться...»

Подняла Женя голову, чтобы посмотреть, как далеко ушел от нее Антип, а он — вот он, в двух шагах. Назад по своему рядку идет, по другому разу урожай с него собирает.

Хотела Женя засмеяться над ним, а губы свело от холода, не послушались они, и вместо улыбки получилась, наверно, такая гримаса, что наоборот — засмеялся-то Антип над ней.

— Ты же совсем в сосульку превратилась! Ну зачем пошла?

— А ты? — обрадовалась Женя, что заговорил он с ней наконец.

Антип нахмурил светлые брови. Лицо его тоже посинело от холода, даже волосы казались седыми.

— Папку жалко,— сказал он. — Переживает, почи не спит. Хоть бы, говорит, успеть часть урожая собрать — вдруг уже не будет тепла да солнца... А ты... А тебе надо все до картошины. Все бы подсказывала, все бы учила...

И он, как будто был старшим братом, сдернул гряз-

ные мокрые перчатки и начал оттирать в своих ладошках ее совсем окоченевшие руки.

И в это время из-за леса вынырнула брезентушка и, подъехав к полю, остановилась. Из нее выпрыгнули отец Антипа, директор, и отец Жени, инженер.

— Вот вы где! — захохотал на все поле директор.— Ну и работнички! Петро! Да с такими работничками, да с такими сознательными гражданами разве мы пропадем! А ну — марш в машину!

— Нам уже совсем немножко осталось,— кивнула Женя на рядки, убегавшие к недалекому лесу.

— Нечего-нечего! Холод такой! Мама места не находит,— сказал Женин папа.

Кое-как обтерев о траву сапоги, они с Антипом забрались в машину. Женя высунулась, оглядывая вырытую картошку.

— Сегодня сводка вёдро пообещала! — радостно сказал папа Антипа, перехватив ее взгляд.— Так что управимся! И урожай ваш к месту приберем. Сейчас приедем, мойтесь, грейтесь и отправляйтесь в клуб! Там сегодня какой-то артист из города прибыл, выступать перед вами желает! Шефская, говорит, встреча.

— Придешь? — спросил Антип, когда подъехали к дому.

— Ага,— кивнула Женя.

И они с папой поехали дальше, в свою деревню. В машине было тепло, уютно. Женя смотрела в окно.

— Эх, ты! — сказала она снегу, что лежал клочками на поле, висел на ветках.— Эх, ты! Глупый, непутевый! Все равно ведь растаешь! Зачем тебе надо было людей пугать, грязь разводить?..

— С кем это ты разговариваешь, Женя? — спросил папа.

— Да со снегом этим, дурачком! Зачем, говорю, не вовремя выпал? Все равно ведь растает!

— Растает! — откликнулся папа.
— Все равно ведь тепло скоро будет?
— Будет!

Однажды в Доме культуры

В Дом культуры в этот вечер Женя пошла вместе с мамой. Папа сказал, что подоит корову и тоже придет, встретит их, а то вечера уже ранние, темные, да еще слякотно, скользко.

Мама засмеялась:

— Охота тебе? Мы и сами дорогу найдем!

И они взяли по зонтику и отправились.

А лучше бы никогда на свете не было этого холодного сентябрьского вечера...

У освещенного фасада Дома культуры уже никого не было, и Женя с мамой заторопились в зал.

Хоть в зале огни уже были погашены, но Женя рассмотрела, что взрослых мало, одни школьники: уставали люди на работе в такую непогодь — не до представлений. Антип, Женя отыскала его глазами, сидел в первых рядах.

И вот на освещенную сцену вышел, прихрамывая и поскрипывая протезом, человек с хмурым, как показалось Жене, недовольным лицом.

А мама вдруг подалась вся вперед и крепко обняла дочку за плечи.

— Ты не можешь согреться? — спросила Женя шепотом: мама поежилась, как от холода.

— Тише! — зашикали на них.

— Здравствуйте, друзья! — сказал этот хмурый человек и так улыбнулся вдруг, что и в зале все мгновенно заулыбались ему в ответ.

— Здравствуйте! Спасибо, что пришли меня послу-

шать! А расскажу я вам о том, как я не стал актером. Все люди искусства обычно вот на таких встречах рассказывают, как они стали актерами, музыкантами, поэтами... А я, наоборот, расскажу, как не стал актером. Но все равно судьбу свою связал с театром! Я работаю в театре сапожником...

Засмеялись в зале.

— Ага! Смеетесь! Думаете: ну что в этом интересного — работать в театре сапожником! А между тем — это очень необходимая профессия! Театр без сапожника, как и без актера,— не театр!

Женя взглянула на маму и не узнала ее: будто рядом сидела незнакомая женщина — так вдруг изменилось ее лицо.

— Ты заболела? — спросила Женя.— Мам?

— Молчи! Не приставай! — непривычно резко ответила мама и даже не взглянула на дочь.

У Жени в тяжелом предчувствии сжалось сердце. И дальше она уже плохо слушала этого хромого дяденьку.

— Вот представьте,— рассказывал он.— Выходит, к примеру, на сцену царь Федор Иоанович (есть такая пьеса). Выходит он в роскошных царских одеждах и... и в валенках с галошами...— и рассказчик смешно изобразил, как выходит на сцену царь Федор Иоанович в валенках с галошами.

В зале смеялись.

— О-о, чтобы сшить настоящие царские сапожки, надо и сапожнику, а не только режиссеру, изучить целую эпоху! Обувь на сцене — это... Знаете ли вы, что в Древнем Риме, например, по обуви судили о положении человека? Знатные люди носили туфли вроде перчаток,— растопырил рассказчик пальцы рук.— Каждый палец в отдельности...— объяснял он сквозь смех зала и сам засмеялся. А в Древнем Египте сандалии носили что на левую, что на правую ногу — одинаковые. Вот так,— скре-

стил сапожник ноги, отчего носки его ботинок стали смотреть в разные стороны. — Причем носили-то обувь только фараоны! Даже фараониха, жена самого фараона, босиком щеголяла!

Давно не веселились так ребятишки. Некоторые от смеха чуть с сидений не падали.

— И знаете, что еще интересно: сандалии расписывали серебром, расшивали золотом, а на подошвах — врагов изображали! И топтали их ежеминутно: идут и — пятками их, пятками в землю, врагов своих... раз-два! раз-два! — заскрипел он протезом по сцене.

Он еще долго рассказывал, сапожник этот из театра, какая была диковинная обувь в разные времена в разных странах.

Женя слушала и все поглядывала с тревогой на маму: словно она рядом — и нет ее.

— Вы так и не рассказали, почему не стали актером? — требовательно и строго спросил вдруг Антип.

В зале перестали смеяться, а посмотрели все на Антипа. Женя тоже встретилась с его глазами. В них было не любопытство, а неприязнь к рассказчику. А еще... еще упрямство. Женя догадалась, о чем сейчас думает ее друг: вы не стали актером, хоть и мечтали. Вы стали почему-то сапожником. А я... я все равно стану художником-космонавтом! И Женя гордилась другом.

— Ладно,— подумав, сказал сапожник театра.— Расскажу и про это. Между прочим, поучительная история. Это было в девятом классе. А с пятого мы с одной девочкой из нашего класса занимались в драмкружке Дворца пионеров. Никто не сомневался, что я стану актером. Я тогда сыграл все главные роли во всех спектаклях. И в первую очередь — не сомневался я сам...

Вот раз возвращались мы с репетиции с этой девочкой, разговаривали, увлеклись и... забыли про все на свете... Про светофор тоже... Девочку я успел толкнуть, и она

упала уже на тротуаре. А сам... сам попал под грузовик... А без ноги — какой же актер? Это надо, чтобы все драматурги писали пьесы про безногих,— пошутил он и сам первый засмеялся.— Так что будьте бдительны, когда провожаете девочек!

В зале стояла тишина: все жалели этого человека на протезе и, наверное, восхищались им: ведь он спас девочку.

Мама плакала — вот как растрогала ее эта история. Мама сидела и плакала и тогда, когда в зале вспыхнул свет и все двинулись к выходу.

— Мам, пойдем! — позвала ее Женя.

Но мама смотрела заплаканными глазами на сцену, а со сцены тоже будто остановившимися глазами смотрел на нее этот человек.

— Таня! — вскрикнул он и заторопился, поскрипывая протезом, неловко спускаясь по ступенькам.— Таня!— шел он к ним по проходу зала.

«Какой он старый»,— подумала Женя, когда он остановился перед мамой.

— Танечка! — обнял вдруг этот незнакомый человек маму.— Здравствуй, Танечка!

— Здравствуй,— ответила мама, и Женя не узнала ее голоса.

Жене стало отчего-то страшно.

— Мам,— потянула она ее за руку,— мам, пойдем, все уже ушли...

И тогда наконец этот человек заметил и ее, Женю. Он наклонился к ней и стал рассматривать ее внимательно, строго, и брови его стали приподниматься, приподниматься.

— Таня, это и есть... господи... вот время, вот оно время... Сколько тебе лет, дочка? — потянулся он рукой к ее голове.

— Па-а-па! — дико закричала Женя и бросилась к

двери, в которую вошел ее отец. Оп вошел и остановился, с дождевика струйками стекала вода.

— Папа! — кинулась Женя к отцу, прижалась к мокрому его дождевику.

Так они стояли в опустевшем зале Дома культуры и смотрели друг на друга: Женя с папой на маму и этого сапожника из театра, а мама и этот человек на Женю с папой.

— Здравствуй, Петр,— сказал наконец сапожник.

— Явился все же,— сказал папа и, отвернувшись от них, обнял Женю: — Пойдем, дочка.

— А мама? — оглянулась Женя: мама все так же стояла посреди зала, и лицо ее было белое-белое.

«Я вернусь, Мареюшка!..»

Мама уехала с тем театральным сапожником, Женя осталась в деревне, дома.

По утрам они с папой доили Мареюшку. Потом Женя шла в школу. Всех учеников, начиная с четвертого класса, возили в школу на автобусе, а Женя ходила пешком одна. Одной ей было лучше. Жене не нравилось, что все ее жалеют, учителя словно боятся к доске вызывать. Девчонки замолкают, когда ее видят, а потом шепчутся. И Женя знает: о ее горе шепчутся.

Только тети Тамары умеют разговаривать с ней, будто ничего не произошло. И рассмешат, и песен ей попоют, пока она с ними работает.

Да еще с Антипом Жене нетрудно. Он стал часто провожать ее после школы до самой деревни. Идут, молчат, а все равно — хорошо, что он рядом.

Погода в октябре и правда установилась добрая, вёдренная. Поля стояли уже почти все убранные. И картофельное поле опустело, только вороха потемневшей ботвы напоминали о недавней трудной страде.

7 Заказ 544

— Вчера пошел в лес,— сказал Антип,— к той твоей осинке. Помнишь, ты говорила: яблоки на осине... хотел нарисовать. Опоздал! Ни одного листочка, ни одного яблока!

— Так осинки же раньше всех облетают. Теперь уж на будущую осень туда сбегаем! Я тебе покажу ту осинку! — сказала Женя и вдруг поверила, что пройдет этот страшный год. И наступит счастливая нарядная осень. И покраснеют, пожелтеют на осине круглые листочки, станут похожими на спелые яблочки. И может быть, вернется домой мама...

— А здорово, что ты не уехала! — сказал Антип, когда показались огороды деревни.— Не уезжай, ладно?

Но Жене пришлось уехать.

Вскоре после этого разговора с Антипом пришло от мамы письмо. Потом другое. Потом третье...

Мама звала Женю к себе.

И однажды вечером, когда папа подоил корову Мареюшку, а Женя процедила молоко, вымыла полы, приготовила ужин, папа сказал:

— Ну, хозяюшка моя, управилась? А теперь давай-ка поговорим.

Сказал он это бодренько, а глаза, видела Женя, были грустные-грустные.

«Как папа постарел,— подумала она.— И волосы, как у бабушки Дуни, скоро будут совсем седые...» А вслух сказала:

— Не поеду! — и носом в книжку: разговор, мол, окончен.

— Женя,— строго сказал папа.— Надо, понимаешь, надо поговорить... Если ты меня уважаешь и считаешь своим другом...

Да, Женя уважала папу и считала его своим самым первым, самым лучшим другом.

Она покорно закрыла книгу.

— Женя, тебе десять лет. Я хорошо помню себя в десять лет. Я был уже взрослый. Таким себя считал. Потому что в тот год умер мой отец, дедушка твой. И я понял: теперь мне быть в доме мужчиной. И я стал им, Женька! Вот эту раму, к примеру,— показал он на кухонное окно,— сделал я сам. Сам! Один! Мне всего одиннадцатый тогда шел... Отец все собирался, собирался, да не успел. Помучился я, конечно, но сделал! А летом выкопал во дворе колодец. Чтобы мамка не ходила на речку по воду — в горку с ведрами, я видел, тяжело ей.

И тогда впервые понял: как это здорово, если сделаешь что-то для других... Не для себя — для других... Сперва для мамы старался — убивалась она по отцу сильно. Потом для других, для всех других людей хотелось сделать что-нибудь хорошее... Подумай о маме. Ведь жить без тебя — большое для нее горе... Пойми это, дочка...

Женя все понимала и со всем, что говорил отец, была согласна. Но, не ожидая от себя, вдруг закричала:

— Я знаю! Я знаю, почему ты меня выгоняешь! Я тебе — неродная! Я тебе чужая! Мне одна девочка в нашем классе все рассказала! Ты мне не отец! А тот, сапожник,— отец! Только он бросил нас, я была тогда совсем маленькая! Он бросил, а ты нас взял и привез сюда! Не хочу! Не хочу! Никуда не хочу! Ничего не хочу! — И она упала на кровать, зарылась лицом в подушку и заплакала в голос.

Папа поднял ее на руки, обнял крепко-крепко и стал с нею ходить по комнате и баюкать, как маленькую, приговаривая:

— Да милая ты моя доченька! Да кто же это мог такое придумать? Да на́родно ты мне родная! Да разве бы я когда-нибудь расстался с тобой... Успокойся, моя милая, моя родненькая. Усни, усни-ка...

И он так долго ходил с ней по комнате, что Женя, наревевшись, уснула.

А под утро проснулась, как всегда, раным-рано и опять заплакала: во сне она видела маму. Будто мама ходила по комнате с нею на руках и убаюкивала ее, и целовала, и гладила волосы.

Женя плакала и думала: придется ехать к маме. «Мамочка, хоть бы одним глазком тебя увидеть»,— заплакала еще горше. А потом стала представлять, как она будет прощаться с классом своим. С Антипом. С Мареюшкой. С тетями Тамарами да с их коровами. С бабушкой Дуней. С речкой. С лесом. С избой своей. С папой... Ну почему, почему она такая несчастная...

— Женя,— положил папа ей на голову большую теплую ладонь.— Ну не плачь, а! Ведь и у меня — не каменное же сердце... И тебя жалко, и маму...

— И маму? — села Женя на кровати.— Тебе тоже жалко маму?

— Глупенькая! — сказал папа.— Как же ее не жалеть! Ты думаешь, легко ей? Ведь он, этот человек, жизнь ей когда-то спас. Она нужна ему, понимаешь, нужна!

— А тебе? — не унималась Женя.

— Я — сильный! — крикнул папа.— И ты — сильная! Не плачь! — приказал он.

— Не буду, папочка,— прошептала, глотая слезы, Женя.— Это я прощалась. Со всеми уже попрощалась... Папа, ты бы отвез меня к маме прямо сейчас, пока не рассветало...

И папа понял дочку. И пошел в гараж за машиной.

А пока он ходил, Женя в последний раз подоила Мареюшку. Обняла ее за шею, пообещала:

— Я вернусь, Мареюшка, обязательно вернусь... Вырасту большая и вернусь... И маму, может, уговорю... И каждое лето к тебе да папе приезжать стану, каждое летечко... А ты тут слушайся папу, помогай ему, Мареюшка.

Они выехали до свету — осенью ведь поздно светает. Ехали, молчали. Женя больше не плакала. Ей казалось, что чем дальше от дома они отъезжали по грязной осенней дороге мимо хмурого леса, тем она становилась старше, старше и сильнее, сильнее...

Когда вдали показались многоэтажные дома, будто огромные корабли в тумане, папа остановил машину, обнял Женю, и они так сидели, смотрели на сонный, пустой еще город.

Небо уже посветлело, но солнца на нем Женя не нашла: или оно еще не взошло, или его не видно было из-за высоких серых домов...

В лесу много деревьев...

Нелегкая началась у Жени жизнь.

Молча и терпеливо привыкала она и к новому жилью, и к новому отцу, и к новому классу, и к новой учительнице.

О своей родной деревне тосковала так, что иногда на уроках ничего не слышала, задумавшись о своем доме, о родине.

Однажды шел урок литературы. Учительница Елена Германовна загадывала разные загадки, а ребята отгадывали их.

Женя как раз задумалась, засмотрелась на тополь за окном. Стояла уже поздняя-поздняя осень, все деревья давно сбросили листву, а этот старый тополь все еще зеленел наперекор холодам.

И вдруг Женя поняла, что ее вызывают. Она встала и опустила голову: ничего не слышала.

— Женя,— миролюбиво сказала учительница.— Я загадала такую загадку: «Крыльями машет, а улететь не может». Что это?

Все вокруг трясли поднятыми руками, просились отвечать.

— Человек,— ответила Женя.

И как только она так ответила, весь класс дружно захохотал. Все так хохотали, что просто на парты падали головами. А сосед Сережа размахивал руками, как крыльями, и сквозь смех выкрикивал:

— Человек! Ой, не могу! Человек! Крыльями машет, а улететь никуда не может! Ой, не могу!

Он всегда был веселый, этот Сережа, у него всегда смешинка во рту. Ему мизинчик покажи, как говорили у них в деревне,— он и засмеется. А тут уж — ну просто остановиться не может.

Только Елена Германовна не засмеялась, а внимательно посмотрела на Женю и сказала:

— А ведь у Жени, ребята, очень интересный ответ.

И класс сразу притих.

— Так можно сказать о человеке,— согласилась учительница с Женей.— Если он о чем-то очень сильно мечтает, а осуществить свою мечту не может. Вот и получается: крыльями машет, а улететь не может. Такие выражения называются метафорами. Женя выразилась метафорически. Привыкайте к таким терминам. Говорим об одном, а подразумеваем иное, более глубокое содержание... Женя, а почему ты так сказала? Ты можешь это объяснить?

Женя кивнула. Помолчала. И тихо, печально сказала:

— Я очень хочу домой, в свою деревню,— и она чуть не заплакала. Но сдержалась и добавила: — Так бы и улетела...

— Я люблю свою деревню, лес, речку... — вдруг начала рассказывать Женя.— А в лесу много деревьев... Но я каждое дерево знаю в лицо и даже по имени... Там есть старая-старая лиственница. Я зову ее Бабушка. Там есть сосна-мама, а у нее две дочки. Они будто взялись за

руки-ветки и побежали на полянку поиграть. А мама-сосна смотрит им вслед и говорит: «Дочки, далеко не уходите!» А еще есть там осинка, она такая вся светлая-светлая. Листочки у нее круглые. Осенью они краснеют или желтеют и становятся очень похожими на спелые яблочки... И тогда осинка уже будто не осинка, а яблонька...

— Ребята, обратите внимание, какая наблюдательная у нас Женя,— и учительница тоже печально загляделась на зеленый, мокрый от дождя тополь за окном.

— Вот дожди пройдут,— сказала она.— И мы с вами, может, успеем съездить в осенний лес... Садись, Женя, я тебе за твой интересный рассказ ставлю сегодня пять...

Женя после этого урока повеселела. Она поняла, что и в городе люди такие же добрые, как и в их селе. И в классе она скоро стала совсем своей, как будто вместе со всеми начинала учиться с самого первого года. Особенно зауважали Женю после одного случая.

Однажды они с Сережей возвращались из школы домой. А была суббота. И светило солнышко. Люди шли по улицам, нарядные, радовались последним теплым денькам.

— Женя, а моя бабушка приглашает тебя поехать с нами за город,— сказал Сережа.— Я рассказал ей про тебя, про то, как ты лес любишь. Бабушка и говорит: «Пригласи эту девочку с нами. Я, говорит, хочу с такой фантазеркой познакомиться». Мы с бабушкой поедем с осенью прощаться, в сад свой. У нас там здорово! Домик маленький, ягода еще, наверно, есть, земляника. Она у нас долго, до самого снега растет... Поедем с нами?

— А твои мама с папой тоже поедут? — спросила Женя.

— У меня нет папы с мамой, я с бабулей живу,— сказал Сережа.

— Они уехали?

— Нет. Мои мама и папа были альпинисты. Это такие спортсмены — по горам высоким поднимаются на вершины, по скалам. Это очень опасно. Они погибли. Вместе. Я их совсем не помню... А их друзья, другие альпинисты, каждое лето приезжают и кладут на их могилу э-дель-вей-сы. Это цветы такие горные. Высоко-высоко в горах растут...

Жене стало так жалко Сережу, но она шла и молчала — не знала, что сказать.

— Я, когда вырасту большой, тоже буду альпинистом. Только ты про это бабуле не проговорись! — сказал Сережа, будто Женя уже познакомилась с его бабушкой.

— А у тебя есть мечта? — спросил он немного погодя.

— Ага,— кивнула головой Женя.— Моя мечта — вернуться домой, в деревню, к папе. И уже больше никогда никуда оттуда не уезжать... Но,— вздохнула она,— надо для этого поскорее вырасти...

— К папе? — удивился Сережа.— Ведь твой папа в театре работает, я знаю.

— Здесь не тот, здесь другой...

— Как это — неродной, что ли?

— В том-то и беда, что родной. Только все равно — не тот. Вот вырасту и уеду к тому папе, настоящему. Он меня ждет-ждет...

— Гм,— сказал на это Сережа.— У тебя два отца, у меня — ни одного... Зато у меня такая бабуля! Вот увидишь, какая она хорошая!

Сережина бабушка совсем не походила на тех бабушек, с которыми была знакома Женя. На бабушку Дуню, например, Сережина была в брюках, куртке и берете. Светлые ее локоны рассыпались по плечам, брови тонко выщипаны, а губы подкрашены. Она была похожа на одну артистку из театра, где работали мама и отец Жени.

Когда Женя сказала про это Сережиной бабушке, она

весело засмеялась: ей это сравнение понравилось.

— Ну, тезка, ты и скажешь! — обняла она Женю.

У них все было не так, как у всех, у этих бабушки и внука. Бабушка весь день, как девчонка, играла с ними в бадминтон, в волейбол и даже стояла на воротах, когда внуку вздумалось погонять футбол.

Уже скоро зима, а в саду у них и правда краснела земляника. А у одной стены домика, в густых зарослях мяты, жила большая жаба с добрыми большими глазами. Оказывается, и жабы бывают красивыми и умными. Жаба эта летом чуть не погибла от засухи. И тогда бабушка Евгения Петровна придумала, как ее спасти.

Они с Сережей каждый день поливали ее из лейки, как какой-нибудь редкостный цветок или овощ. И жаба так полюбила их за это и так была благодарна, что никуда не уходила от стены их домика.

Они пробыли в саду до самого вечера. И когда уже собирались уезжать, Женя вдруг засмотрелась вдаль, на деревушку, к которой тянулось с поля небольшое стадо коров.

— Как я коров давно не видела! — вздохнула она.

— А знаете что, ребятки,— предложила Евгения Петровна,— давайте сгоняем в деревню, купим у нашей славной Аверьяновны парного молочка?

И они, вместо того чтобы торопиться на электричку, отправились в деревню.

— О-о-ох! — встретила их у ворот старушка Аверьяновна.— Гостеньки городские! По молочко небось? А я еще и не даивала, собралась вот только...

Черно-пестрая корова важно слушала этот разговор, косила глазом из ограды.

— А можно я подою вашу корову? — попросила, задыхаясь от волнения, Женя.

— Ты? Да ты нешто умеешь, девонька? — удивилась Аверьяновна.

— Умею! Давно умею! Меня папа научил!

— Ну, попробовай, попробовай! Вот тебе скамеечка, вот подойник. Давай садись! Дай старым моим рукам отдых. Не бойся, Зорька моя — коровушка тихая, смиренная...

Серега даже рот открыл: не верил глазам своим. А Женя ловко подвинула к боку коровы скамеечку, уселась на нее поудобнее. Потом уверенно, но и ласково помассировала вымя.

Чиркнули о дно подойника первые струи молока, и заходили, заходили умелые Женины руки.

Зорька сперва было переступила с ноги на ногу, оглянулась раз-другой на новую хозяюшку, а потом успокоилась, покорилась.

С детства знакомый запах коровьего тела, парного молока обдавал Женю забытым родным теплом. «Мареюшка моя,— невольно приговаривала Женя.— Красавица моя...»

С непривычки пальцы онемели, руки заныли до самых плеч, но Женя и виду не подавала: работала да работала. И бурлила, поднималась все выше и выше в подойнике белая, ароматная молочная пена.

— Ты гляди-ко! Ведь и правда умеет девчушка-то! Да откуда она такая у вас взялась-то? — ахала бабушка Аверьяновна, так похожая на бабушку Дуню.

— А всяких имеем! — засмеялась Евгения Петровна и подмигнула озорно Жене.

А потом, когда они, напившись парного молока, вышли из двора Аверьяновны, Серега вдруг взял руки Жени, осмотрел их, как какие-нибудь диковинные живые существа, и сказал:

— Вот это руки! Ну и молодец ты, Евгения Петровна! Женька! — обратился он к бабушке.— А ведь ты так не умеешь, ай-яй-яй!

И он, конечно, не удержался и на следующий же день

рассказал в школе, как Женя подоила у Аверьяновны корову.

Наверно, с тех пор и стали ее сверстники относиться к ней так, будто она старше всех в классе.

И дома не сразу, но постепенно и как-то незаметно стала она тоже будто взрослее и мамы, и отца.

Несколько раз в году отец, как говорили в театре, выпрягался. Случалось это почти всегда на следующий день после премьеры. Он отстегивал протез, брал в руки костыли и уходил из дома.

Его видели то у железнодорожного вокзала, то у автовокзала, то на базаре. Он садился прямо в пыль где-нибудь у тротуара и чистил прохожим обувь.

К вечеру мама находила его.

— Ну что ты делаешь с нами? — плакала она.— Тебя в театре ждут. Пойдем.

— Здесь мое место! Здесь! — хмуро, не глядя на жену и не переставая чистить чужой ботинок, твердил отец. Мама не отступала. Ей удавалось его уговорить, и она брала такси, привозила его в театр или домой.

Но обычно отец долго не давал ни родным, ни соседям покоя: жаловался на судьбу, читал монологи из пьес.

— Эх, что вы понимаете в моей жизни? В моей душе? Да разве это Кнуров? Кнуров — хах-ха! Нашли Кнурова!

— Э-эх! — выкрикивал в другой раз.— Да разве можно дядю Ваню сыграть? Им быть надо! Бы-ыть!..

Шумел, куражился. Но стоило ему увидеть испуганные, или строгие, или осуждающие глаза Жени, замолкал, успокаивался послушно.

Обо всем этом вспомнилось восьмикласснице Жене в бессонную ночь после выпускного бала. Ведь завтра она уезжала.

Ее провожали все близкие: мама, отец, Евгения Петровна, Серега.

Подали автобус.

Евгения Петровна молча обняла Женю, расцеловала в обе щеки, сунула в ее сумку сверток:

— Подорожники тебе, Женечка.

— Ну, Евгения Петровна! — Серега не мог без кривлянья.— Мы с Женей, с бабулей Женей, ненадолго прощаемся! Не успеешь ты там, в своей деревне, оглядеться, а мы — тут как тут! Принимай гостей!

Балагурил так друг ее Серега, а в глазах, видела Женя, затаились грустинки.

— Конечно, приезжайте! Сережа! Евгения Петровна! Буду ждать! — улыбалась Женя, а сама с тревогой посматривала на маму. Казалось, если бы не отец, она бы опустилась прямо на асфальт, обессиленная. Но рядом с ней был отец.

Они вдруг показались Жене постаревшими, одинокими. Жалость толкнулась к горлу. Женя сама, первая, шагнула к отцу, ткнулась лбом в его грудь, заплакала.

От неожиданности он выронил трость, обнял Женю, сказал каким-то не своим, хриплым голосом:

— Не забывай нас, дочка, приезжай. Мы с мамой... Что же делать, раз ты нашла... нашла свое призвание... Я рад... Мы вот с мамой тоже... Дело свое любим... и знаем... Не забывай нас...

Мама, счастливая от того, что отец и дочь наконец словно только сейчас породнились, и несчастная от предстоящей разлуки, плакала, не вытирая слез.

Когда Женя уже устроилась в автобусе на своем месте, у окна, мама пыталась что-то сказать ей. Женя никак не могла понять сквозь стекло. И тогда Серега вскочил в автобус и, торопясь, прокричал, словно перевел Жене мамины слова:

— Мама твоя говорит: она рада, что ты опять умеешь

плакать! А смеяться не разучилась? — добавил он от себя и пошевелил ушами.

В автобусе засмеялись.

Пока ехали по городу, Женя никак не могла успокоиться: слезы сами текли и текли по ее щекам.

За городом кто-то впереди открыл форточку. Ветер, напоенный запахами молодого лета, освежил лицо, осушил глаза. И Женя стала смотреть в окно на мелькающие лесные опушки, перелески.

Иногда вслед за светящимися радостью березняками показывала свои темные бока тайга. И тогда казалось, что на небо надвинулись грозовые тучи.

Но ехали дальше, и таежный мрак сменялся опять легкими зелеными облаками осинников.

Жене хотелось смотреть и смотреть...

Оглавление

Кудрявцева В. М.

К88 Еще до солнышка...: Повесть.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986.— 112 с., ил.

15 к. 150 000 экз.

Нелегкие испытания пришлось пережить юной героине этой повести. Верность дружбе и первым трудовым радостям помогли ей найти свое место в жизни.

Адресуется младшим школьникам.

К $\frac{4803010102\text{-}060}{\text{М}158(03)\text{-}86}$ 72-86 ББК 84Р7

Вера Матвеевна Кудрявцева

ЕЩЕ ДО СОЛНЫШКА...

Редактор С. В. Марченко
Художественный редактор В. С. Солдатов
Технический редактор Н. Н. Заузолкова
Корректоры М. Ф. Худякова, Т. А. Дрябина

ИБ 1238. Сдано в набор 16.10.85. Подписано в печать 12.05.86. НС 12074. Формат 70×108 1/32. Бумага типографская № 3. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,9. Усл. кр.-отт. 5,3. Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 150 000. Заказ 544. Цена 15 к.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

15 к.

СВЕРДЛОВСК
Средне-Уральское
книжное издательство
1986